

.. ПОГОСОВ

**КОМСОМОЛ
ЛАТЕРЯ
ШМИДТА**

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

КОМСОМОЛ НЕ БЫЛ БЫ КОМСОМОЛОМ,
ЕСЛИ БЫ ОН БОЯЛСЯ ТРУДНОСТЕЙ.

И. СТАЛИН

Отто Юльевич Шмидт.

А. ПОГОСОВ

**КОМСОМОЛ
ЛАГЕРЯ
ШМИДТА**

**ПРЕДИСЛОВИЕ
О. Ю. ШМИДТА**

**РИСУНКИ В ТЕКСТЕ И ЦВЕТ-
НЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ХУДОЖ-
НИКА-ЧЕЛЮСКИНЦА
Ф. РЕШЕТНИКОВА**

**МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1935**

РОДНОМУ ЛЕНИНСКОМУ
ДВАЖДЫ КРАСНОЗНАМЕННОМУ
КОМСОМОЛУ

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
CHICAGO, ILL.
JAN 10 1910

О КОМСОМОЛЬЦАХ - ЧЕЛЮСКИНЦАХ

Челюскинская эпопея захватила сознание широчайших масс. Миллионы строителей нашей страны следили за продвижением «Челюскина» и за нашей жизнью на льду, поддерживали нашу стойкость и радовались замечательной работе героев-летчиков. В массах трудящихся СССР поднялась волна законной гордости за свою страну, горячей любви к ней и беззаветной преданности. На примере челюскинской эпопеи рабочие, колхозники и трудовая интеллигенция увидели, как в зеркале, отражение роста людей в условиях социалистического строительства, увидели яркое проявление тех удивительных результатов, которых достигла страна под руководством коммунистической партии и ее гениального вождя товарища Сталина. Идея скорейшего осуществления Северного морского пути как ключа к решению основных экономических проблем севера выдвинута товарищем Сталиным, который продолжает проявлять об этом деле исключительную заботу.

Находясь в Арктике, на пароходе и на льдине, весь коллектив челюскинцев знал и чувствовал, что он поставлен на трудную, славную работу по прямому поручению партии и правительства, что наша работа нужна стране и есть часть ее великого творческого подъема. Это сознание поддерживало нас, вокруг этой идеи мы спланивали и воспитывали коллектив, создав из людей самых разнообразных профессий единую стойкую ударную группу.

Создание крепкого коллектива было главным условием для преодоления тех больших трудностей, с которыми мы встретились. Велика в этом деле роль партийной и комсомольской организаций «Челюскина».

Книга товарища Погосова говорит главным образом о комсомольцах. Жизнерадостные ребята великолепно поняли свою задачу в нашей сложной обстановке, особенно на льдине. Комсомольцы не только выполнили значительную часть общей работы, но вместе с партийцами были основным цементом, скреплявшим весь коллектив. Комсомольцы внесли много живой инициативы и были образцом бодрости в любых условиях.

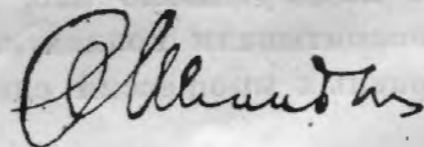
Комсомольцем был и наш дорогой товарищ Борис Могилевич, единственная жертва гибели «Челюскина». Память о нем, об этом милом, сердечном товарище и великольном работнике, останется навсегда живой не только в наших сердцах, в сердцах людей, видевших его жизнь и гибель, но и во всем многомиллионном комсомоле, во всей стране.

Я очень рад, что написана книга о нашем челюскинском комсомоле. Эта тема заслуживает особой книги. Автор ее принадлежит к самым лучшим из лучших челюскинцев. О себе лично товарищ Погосов пишет очень скромно, но я как начальник экспедиции должен подчеркнуть, что на его долю в лагере выпала самая трудная задача — аэродром. Но не только в лагере—и во время экспедиции и во время дрейфа товарищ Погосов был образцом дисциплинированного комсомольца—помощника партии.

В ленинском комсомоле нашей страны широко распространилось движение за изучение Арктики, за участие в великом деле ее освоения. Книга товарища Погосова явится прекрасным введением в эту работу.

Все комсомольцы и комсомолки должны работать так, как работали комсомольцы в ледовом лагере!

9 января 1935 года.

ОТ АВТОРА

Я не писатель. Я моторист-механик. Арктика, поход «Челюскина» многому меня научили. Еще на дрейфующей льдине мне пришлось писать в «Правду» о нашей работе на аэродроме в лагере Шмидта. В кают-компании парохода «Смоленск», на котором мы шли из бухты Провидения до Владивостока, мы сидели ночами и писали очерки для книг о челюскинской эпопее, изданных «Правдой» по инициативе Центрального комитета партии и лично товарища Сталина.

Тогда же я задумал написать отдельную книгу о наших комсомольцах-челюскинцах, о наших ребятах, которые много поработали и которые отважно и с достоинством пронесли знамя ленинского комсомола над льдами Арктики.

Записи о нашей работе я начал еще в походе и продолжал на льдине. Материалом для этой книги послужил мой дневник, который я вел изо дня в день: сначала в каюте «Челюскина», потом в палатке на ледовом аэродроме лагеря Шмидта.

С этим дневником я не расставался ни на минуту и спас его во время крушения корабля.

Эту книгу помогал мне писать мой приятель, работник «Правды», старый комсомолец Сеня Гершберг. Мы работали над ней на Кавказе, в перерывах между многочисленными выступлениями перед трудящимися Чечни,

Ингушетии, Грузии и родины моей — Армении, в поезде и затем в Москве.

Я благодарю моего друга за эту помощь, за многие часы совместной работы над этой книгой, которая посвящается мною нашему ленинскому комсомолу.

А. Погосов

Москва.

Декабрь 1934 года.

I. ВЕЛИКИЙ СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ

Человечество уже несколько столетий мечтает о завоевании дальнего севера — Арктики — и Великого северного морского пути — из Атлантического океана через Полярное море в Тихий океан.

Для Советского союза этот путь жизненно необходим. Чтобы попасть из Ленинграда или Мурманска во Владивосток, нашим кораблям приходится огибать всю Европу и Южную Азию, идти мимо Норвегии, Дании, Голландии, Бельгии, Англии, Франции, Португалии, Испании, Италии, Греции, Турции, Аравии, Индии, Китая, Японии. Путь же из Мурманска во Владивосток северовосточным проходом через Арктику для наших кораблей в два с половиной — три раза короче и лежит вдоль берегов Советского союза. Моря Северного пути — Баренцево, Карское, Лаптевых, Восточносибирское, Чукотское — омывают северные границы нашей великой родины.

Освоив Северный морской путь, мы можем овладеть богатствами Арктики (на ее островах есть, в частности, уголь и олово), развить зверобойный и рыбный промыслы, оживить хозяйственную жизнь таких крупных областей, как Якутия и Чукотка, с их золотом и пушниной.

Очень важно также построить в Арктике большую сеть метеорологических станций, потому что знание погоды на севере дает возможность предсказывать погоду

для всей территории Советского союза — в смысле климатическом Арктика является «фабрикой погоды» и не только для Советского союза.

Голландский и английский торговый капитал еще около пятисот лет назад пытался найти дорогу к богатствам Китая и Индии северным путем. Голландец Баренц достиг Новой Земли. Англичанин Ченслер достиг устья Северной Двины. Русский казак Дежнев дошел до Берингова пролива. Именами русских исследователей севера названо море братьев Лаптевых. В 1878—1879 годах швед Норденшельд на деньги русского купца Сибирякова впервые в истории прошел от берегов Норвегии до Тихого океана. Большое научное значение имела экспедиция Нансена на «Фраме» в 1893 году. Американец Пири в 1909 году достиг северного полюса.

История завоевания Арктики полна трагизма и неудач. Крупнейшие капиталистические экспедиции в Арктику кончались катастрофами и тяжелыми человеческими жертвами. Десятки смелых и отважных людей пали жертвами суровой арктической стихии. Без вести пропала в Арктике английская экспедиция Франклина. Экспедиция Делонга на «Жанетте» потеряла корабль к северу от Новосибирских островов и, пробиваясь пешком к устью реки Лены, почти целиком погибла.

Трагедией закончилась экспедиция лейтенанта Седова, отправленного царским правительством к северному полюсу на жалком, утлом судне «Святой Фока». Морской министр царской России Григорович не помогал, а мешал этой экспедиции. Когда стало известно, что Седов погиб, он заявил:

— Жаль, что не вернулся этот прохвост, я бы отдал его под суд!

Торжество пролетарской революции в СССР кладет начало действительному завоеванию Арктики. Не одиночки-энтузиасты, бросаемые капиталистическими государствами в Арктику на произвол стихии, а вся совет-

ская страна, с ее огромными ресурсами, с ее могучей техникой вышла на штурм ранее неприступного севера.

Еще в 1922 году, когда советская власть только приступила к восстановлению разрушенного империалистической и гражданской войной хозяйства, по инициативе Владимира Ильича была снаряжена в Арктику советская экспедиция на пароходе «Персей». С тех пор наши полярники при самой активной поддержке всей партии и лично товарища Сталина проделали огромную работу, пядь за пядью отвоевывая у Арктики земли, осваивая ее моря, учась покорять льды и страшную стихию.

Ледокол «Красин» спас в Арктике остатки известной итальянской экспедиции Нобиле после гибели дирижабля «Италия» в 1928 году.

В 1929 году на ледоколе «Седов» под руководством Отто Юльевича Шмидта была совершена экспедиция на Землю Франца-Иосифа.

В 1929 году ледорез «Литке» с востока подошел к острову Врангеля и сменил зимовщиков, пробывших там три года.

В 1930 году под руководством Шмидта на «Седове» была совершена экспедиция на Землю Франца-Иосифа и Северную Землю.

На многих островах севера организованы советские полярные станции, которые ведут наблюдение за погодой и по радио связываются с плавающими в Арктике кораблями.

Построен северный порт Игарка. Строится мощная радиостанция, порт и авиабаза на острове Диксоне. Строится порт в бухте Тикси.

Регулярно организуются Карские и Ленские экспедиции, вывозящие сплаваемые по Лене, Оби и Енисею лес и пушнину.

Огромной победой увенчалась работа по освоению Арктики в 1932 году, когда впервые в истории советский

ледокольный пароход «Сибиряков» под командованием вождя советских полярников Отто Юльевича Шмидта, при испытанном ледовом капитане Владимире Ивановиче Воронине прошел в одну навигацию Северный морской путь: от Мурманска через Берингов пролив в Тихий океан.

До сих пор мы шли в Арктику на мощных ледоколах или ледокольных пароходах. Но эти корабли мало пригодны для перевозки грузов, потому что трюмы их заполняются топливом, которое они пожирают в громадном количестве. Задача состояла в том, чтобы научиться проводить Северным путем грузовые транспорты, суда, на которых выгодно было бы перевозить грузы. Ледоколы же должны быть расставлены на труднейших забитых льдами участках Арктики, чтобы помогать прохождению грузовых судов обычного типа, лишь соответственно приспособленных для плавания в Арктике.

После победного рейса «Сибирякова» было решено совершить экспедицию Северным морским путем на ледокольном пароходе «Челюскин», который по своему типу больше приближается к торговым грузовым судам.

II. «ЧЕЛЮСКИН»

Пароход «Челюскин» был построен в 1933 году в городе Копенгагене, в Дании. Это был корабль водоизмещением в 7 500 тонн, грузоподъемностью в 4 700 тонн, со скоростью хода одиннадцать-двенадцать узлов (20 — 22 километра) в час.

Чьим именем назван «Челюскин»?

Русский моряк, штурман Семен Иванович Челюскин, принимал активное участие в исследованиях побережья Северного Ледовитого океана от устья реки Лены до Енисея во время «Великой северной экспедиции» XVIII века. В декабре 1741 года Челюскин специально иссле-

Владимир Иванович Воронин.

довал и описал самую северную оконечность Таймырского полуострова, которая является самой северной оконечностью Азии. Он назвал ее Северо-Восточным мысом; позднее мысу было присвоено имя Челюскина.

Мыс Челюскина возвышен и каменист. За два века до 1933 года мимо мыса Челюскина прошло лишь девять кораблей. А в 1933 году у мыса Челюскина собралась целая эскадра советских судов. Но об этом — ниже.

Итак, советское правительство приняло решение об организации экспедиции на «Челюскине».

Три-четыре месяца снаряжалась наша экспедиция. Подбирались научные работники, команда; на корабль грузились топливо, инструменты, продукты, а также строительные материалы для советской колонии на острове Врангеля. Задача экспедиции на «Челюскине» состояла в том, чтобы пройти в одну навигацию Северный морской путь, провести необходимые научные работы, по пути зайти на остров Врангеля, сменить там прежних и высадить новых зимовщиков и выгрузить строительные материалы для сооружения на острове нескольких домов.

Начальником экспедиции был назначен Отто Юльевич Шмидт — начальник Главного управления Северного морского пути, его заместителями: товарищ Копусов — заместитель директора Арктического института, старый комсомольский работник, товарищ Баевский — начальник планового отдела Главного управления Севморпути; помощником по политической части — старый большевик товарищ Бобров. Капитаном корабля был назначен Владимир Иванович Воронин. Для производства научных работ в состав экспедиции было включено десять научных работников: гидрограф Хмызников, геодезист Гаккель, гидрохимик Лобза, инженер-физик Факидов, аэролот Шпаковский, гидробиолог Ширшов, зоологи Стаханов и Белопольский, метеорологи Комов и Комова.

На судне числилось сто двенадцать человек. В первые же дни похода мы обнаружили двух «зайцев», и нас ока-

залось не сто двенадцать, а сто четырнадцать человек. Хотя и трогательны были просьбы этих двух человек оставить их на корабле, потому что они «хотят в Арктику», но за нарушение порядка их пришлось все же высадить на берег.

16 июля 1933 года, провожаемый всей страной, «Челюскин» отошел из Ленинграда в свой великий исторический рейс.

В пути у нас была остановка в Копенгагене. Нас очень тепло встретило население города. Толпы людей осаждали корабль. Особенно горячую встречу устроили нам копенгагенские комсомольцы. Они подарили нам на память красный флажок с серпом и молотом и большой барельеф с изображением сжатого кулака — символа борьбы наших зарубежных братьев против капитала — «Рот фронт».

В Мурманск мы прибыли 1 августа. Двухнедельное плавание от Ленинграда до Мурманска дало возможность проверить людей, и в Мурманске команда была усилена группой товарищей, испытанных во время плавания на краснознаменном «Сибирякове».

10 августа в 4 часа 30 минут на стоявших у причала в Мурманске судах поднялись флажные сигналы: «Желаем благополучного плавания и скорого возвращения».

Мы подняли ответный сигнал: «Благодарим» — и вышли в Баренцево море.

Прощай, материк! Здравствуй, Арктика!

III. НАС БЫЛО СЕМНАДЦАТЬ

На «Челюскине» началась обычная жизнь, как на каждом советском корабле в плавании: работа, отдых, учеба, развлечения.

Говорят, в вагоне пассажиры очень быстро знакомятся. Еще быстрее происходит знакомство на корабле, особенно когда люди отправляются в дальнее плавание.

В первые же дни похода создалась партийная ячейка. Затем организовались комсомольская ячейка и судовой профсоюзный комитет.

Комсомольцев было семнадцать. Я хочу их здесь представить.

Михаил Ткач. Родился в городе Николаеве в 1913 году в рабочей семье. Окончил пять групп трудовой школы. В 1930 году вступил в комсомол и с того же года плавает на судах торгового флота. В 1933 году на пароходе «Комсомол» совершил рейс из Черного моря в Ленинград. На «Челюскин» Миша поступил матросом второго класса.

Саша Миронов. Родился в 1910 году в семье железнодорожника в городе Орше в Белоруссии. Окончив семилетку, идет работать чернорабочим на завод. Становится активным рабкором. В 1929 году вступил в комсомол. В 1930 году его берут в редакцию газеты «Звезда» в Минске, как лучшего ударника-рабкора. Позднее Саша переезжает в Архангельск. Здесь он работает в редакции «Правда севера», а во время навигации плавает матросом. На пароходе «Сталин» был секретарем ячейки ВЛКСМ. Молодой способный журналист и начинающий писатель, одинаково любящий и редакционную работу и море. На «Челюскине» работал матросом первого класса.

Степан Фетин. Родился в 1913 году в Архангельске в рабочей семье. Стал плавать в 1928 году, тогда же вступил в комсомол. На ряде судов был секретарем ячейки ВЛКСМ. В 1931 году был секретарем портового комитета комсомола. На «Челюскине» был машинистом первого класса.

Алексей Апокин. Машинист второго класса на «Челюскине» и студент четвертого курса Ленинградского кораблестроительного института. Родился в 1906 году в поселке Сукремль Западной области. Старый комсомолец и член партии, с большим стажем активной работы в комсомоле. На судне Апокин проходил производственную практику

и много помогал в научных работах инженеру-физику Факидову.

Виктор Сенцов. Матрос первого класса на «Челюскине». Родился в 1911 году в Архангельске. Плавает матросом с 1928 года на судах и ледоколах севера. Участвовал в ряде арктических походов, в том числе в походах на Землю Франца-Иосифа и Новую Землю. Учился в морском техникуме. В комсомоле с 1930 года.

Василий Громов. Кочегар первого класса на «Челюскине». Родился в 1913 году. На север — в Архангельск — попал в 1926 году. Плавал почти на всех ледоколах Архангельского и Ленинградского портов. В комсомоле с 1929 года. За участие в походе «Сибирякова» Громов награжден орденом Трудового красного знамени. На «Сибирякове» был секретарем комсомольской ячейки.

Валентин Паршинский. Кочегар первого класса на «Челюскине». Родился в 1912 году в Архангельске. С малых лет стал работать на речных пароходах. В 1927 году перешел на морские суда. Работал преимущественно на ледоколах («Ленин», «Седов», «Сибиряков», «Русанов»). В комсомоле с 1930 года.

Константин Кожин. Кочегар второго класса на «Челюскине». Родился в 1910 году в городе Гусь-Хрустальном в семье рабочего. В 1926 году окончил курсы шоферов. С 1926 по 1931 год работал на заводах слесарем. Старый комсомолец. Направлялся для зимовки на остров Врангеля.

Геннадий Баранов. Матрос второго класса на «Челюскине». Родился в 1914 году в Архангельске. В комсомол вступил в 1930 году. Плавает с 1931 года. Принимал участие в походе на «Сибирякове», за что награжден орденом Трудового красного знамени. Самый молодой из экипажа «Челюскина».

Борис Кукушкин. Поступил кочегаром второго класса на «Челюскин». Родился в 1913 году в деревне Слобода Вологодского района. Кочегаром работает с 1932 года.

Участвовал в походе «Сибирякова», за что награжден орденом Трудового красного знамени. Небольшой ростом, молчаливый и добродушный, он быстро проявил себя как хороший работник и был переведен в кочегары первого класса.

Виктор Гуревич. Моторист. Родился в 1909 году в Ленинграде. В комсомоле с 1924 года, член партии. Был на руководящей комсомольской работе. Год работал на Камчатке. С 1931 по 1933 год служил в Красном флоте. На «Челюскине» направлялся на зимовку на остров Врангеля.

Федор Решетников. Художник. Родился в 1906 году в селе Сурско-Литовском (ныне Решетниково) Днепропетровской области. Был беспризорным. Окончил художественный техникум. В комсомоле с 1925 года. Участвовал в походе «Сибирякова», за что награжден орденом Трудового красного знамени.

Герман Ермилов. Кочегар первого класса, затем машинист. Родился в 1913 году в Архангельске. В 1932 году участвовал в экспедиции на остров Колгуев. В том же году вступил в комсомол. В Арктике плавал впервые.

Борис Могилевич. Заведующий хозяйством на «Челюскине». Родился в 1907 году в городе Брагине в Белоруссии. Был на хозяйственной работе. Старый комсомолец.

Доротея Васильева. Родилась в 1912 году в городе Владивостоке. Работала модельщицей. Участвовала в Чукотско-Анадырской экспедиции. На «Челюскине» направлялась на зимовку на остров Врангеля вместе с мужем — геодезистом Васильевым. В комсомоле с 1930 года.

Михаил Данилкин. Кочегар первого класса на «Челюскине». Родился в 1912 году в Архангельске. С детства плавал на речных судах, а потом перешел на ледоколы. Участвовал во многих полярных рейсах, работал главным образом на зверобойных промыслах. В комсомол вступил в 1930 году.

Что касается меня, то я родился в 1908 году в селении Джелал-Оглы в Армении. С 1925 до 1928 года работал землекопом в Тифлисе. С 1930 по 1932 год служил в бронетанковых частях Красной армии. По специальности я моторист. Направлялся на остров Врангеля.

Вообще в Арктику я стремился давно. Друг мой Виктор Гуревич много рассказывал мне о времени, проведенном им на Камчатке, и север особенно привлек меня. Вместе с Гуревичем мы решили осуществить вдвоем поездку на север.

Вернувшись из армии, я поступил на завод контрольным мастером. Приходит ко мне однажды Витя и говорит:

— Арктический институт подбирает механиков на полярную станцию. Меня на днях демобилизуют из флота. Давай подадим заявления. Как думаешь?

Думать долго я не собирался, и на завтра мы были в Арктическом институте. Там было уже четыреста заявлений. После нашего прихода стало четыреста два, а требовалось всего лишь двадцать два механика. Пройдя три комиссии — медицинскую, техническую и мандатную, я оказался принятым. Радости моей не было конца. Но скоро к радости прибавилась печаль. Демобилизация Виктора из флота задержалась. А ведь мы задумали ехать вместе!

Мы решили, что отказываться от Арктики не нужно, и раз есть возможность — надо ехать мне одному, а он меня «позднее догонит».

Два месяца я учился на курсах по радиотехнике. Каждый механик должен был пройти такие курсы. Меня по окончании курсов назначили на остров Врангеля для зимовки на два-три года.

Вскоре выяснилось, что на остров Врангеля я и другие зимовщики отправимся на «Челюскине», который намеревается повторить поход «Сибириакова». Это меня еще больше обрадовало: значит, я ознакомлюсь с Северным морским путем.

За несколько дней до отъезда экспедиции Виктор был демобилизован и немедленно принят на работу на остров Врангеля.

Так я и очутился на «Челюскине» вместе со своим другом.

Когда мы прибыли в Мурманск, группа ребят отправилась в Мурманский райком комсомола посоветоваться о том, как построить комсомольскую работу на судне. После этого мы созвали общее собрание, избрали бюро ячейки. Секретарем избрали Степу Фетина, которого Мурманский райком рекомендовал как проверенного комсомольского работника. Партийная ячейка для работы среди комсомольцев выделила партийного организатора.

В первые два месяца нашего плавания от Мурманска до Колючинской губы наши комсомольские заботы сосредоточились на двух задачах: установлении твердой трудовой дисциплины и овладении механизмами судна.

Через несколько дней после выхода из Мурманска, после первой встречи со льдами в Карском море, собрался наш комсомольский коллектив, чтобы обсудить план работы и распределить нагрузки. Докладывал Степа Фетин.

Он предлагал сосредоточить главное внимание: по производству—на прикреплении механизмов к рабочим и организации комсомольской вахты, по общественной работе—на развитии соревнования и культурной работе, на шефстве над красным уголком, на участии комсомольцев в работе судового комитета, в редакции стенной газеты, в бытовой и санитарной комиссиях; что касается учебы, то комсомольской школы не создавать, а заниматься в кружках партийной учебы.

Объекты соревнования предлагались такие: трудовая дисциплина, содержание в порядке механизмов и знание их (наш экипаж впервые работал на таких машинах, какие были установлены на «Челюскине»), порядок на палубе и содержание ее в чистоте.

При обсуждении доклада Фетина комсомольцы брали на себя конкретные обязательства. Саше Миронову поручили договориться с администрацией об организации двух комсомольских вахт—в машинном отделении и на палубе. Когда речь зашла о прикреплении механизмов к комсомольцам, Сенцов объявил, что он берет шефство над шлюпками, Миша Ткач взял шефство над лебедками, Фетин дал обязательство содержать свою машину в образцовой чистоте.

Затем распределили нагрузки. Миша Ткач был назначен заворотом, Саша Миронов—культпропом и представителем комсомола в редколлегии корабельной стенгазеты «СМП» («Северный морской путь»), Виктор Сенцов—бригадиром комсомольской вахты по палубной команде, Вася Громов был назначен членом судкома, Паршинский—организатором военной и спортивной работы, Данилкин—заведующим красным уголком, Ермилов—его помощником, Федя Решетников—членом редколлегии. Комсомольским организатором комсомольской вахты в машинном отделении выделили Фетина. Членами бюро ячейки были Фетин, Ткач, Миронов, Решетников и Громов. Это собрание сыграло большую роль в сплочении комсомольцев «Челюскина», и мы активно и дружно принялись за проведение в жизнь наших решений.

Вопрос об организации комсомольской палубной вахты администрация разрешила быстро. Молодые матросы были переведены в одну вахту. Труднее было создать комсомольскую вахту в машинном отделении. Администрации сначала казалась невозможной перестановка людей, но потом она поняла, что создание образцовой вахты из комсомольцев поможет развить соревнование вахт, и согласилась с предложением комсомола.

Уже вскоре наши вахты были передовыми и давали хорошие показатели. Старший механик вахты каждую декаду подводил итоги социалистического соревнования и отмечал, как кто выполняет свои обязательства. Комсомоль-

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ

Миша Ткач.

ские вахты всегда были на хорошем счету. Среди кочегаров выделились Громов, Данилкин и Паршинский, из машинистов—Фетин, из матросов—Ткач и Миронов.

Сенцов и Баранов прежде отставали в работе от других, ссорились. После комсомольского собрания они сильно подтянулись и быстро догнали передовых ребят.

Миша Данилкин взялся за организацию и оборудование красного уголка. Установили в нем дежурства, вели наблюдение за чистотой. Принесли в уголок шахматы, шашки, домино.

На судне организовались три кружка по изучению истории партии. Все комсомольцы вошли в эти кружки.

IV. КОРАБЕЛЬНЫЕ БУДНИ

Первое боевое крещение комсомольцы получили в середине августа, в первые же месяцы плавания.

В Карском море мы встретились с тяжелыми льдами. Судно получило вмятины по правому и левому бортам, образовалась течь. Носовая часть, перегруженная углем, сидела очень низко, так что льды били в незащищенную часть борта.

Чтобы поднять носовую часть судна, на корабле был объявлен угольный аврал. Команда, научные работники, писатели, рабочие-строители разбились на бригады.

До этого на корабле тоже были авралы—овощной, лимонный, по креплению грузов. У нас было много свежих овощей, которые в беспорядке лежали в первом трюме. Их нужно было рассортировать и привести в порядок. Нужно было также отсортировать и засахарить лимоны, которых тоже было немалое количество. В Баренцовом море, во время большой качки, грузы, наваленные в беспорядке из-за спешки в Мурманске, начали болтаться, и их нужно было уложить плотно.

Но это были сравнительно легкие авралы, в которых

принимал участие не весь состав экспедиции, а только товарищи, свободные от работы.

На угольный же аврал должны были выйти все. Мы собрали летучее заседание бюро ячейки и решили, что комсомольцы должны на этом аврале показать образцы работы.

Вышли все. Комсомольцы были во всех бригадах. Когда подводились итоги работы, о комсомольцах отзывались очень хорошо.

«Челюскин» вез часть угля для ледокола «Красин». Вскоре мы встретились с «Красиным», которому передали около восьмисот тонн угля. Передача угля «Красину» облегчила «Челюскина»: наше судно поднялось на три фута, и работать во льдах стало легче.

19 августа для челюскинцев на «Красине» был устроен вечер, который прошел очень оживленно. После доклада О. Ю. Шмидта о текущем годе в Арктике начался вечер самодеятельности—музыка, пение, корабельный петрушка, шуточные корабельные танцы.

На «Красине» мы увидели хорошо налаженную культурную работу, сплоченный коллектив. Поэтому на очередном заседании бюро и вслед за ним на общем комсомольском собрании мы поставили вопрос о развитии культурно-массовой работы, которая у нас отставала, а также об организации шумового оркестра.

На этот раз мы говорили также о работе среди беспартийной молодежи, о втягивании лучших ребят в ряды комсомола. Отдельные комсомольцы были прикреплены к беспартийным. Собрание поручило Феде Решетникову взяться за организацию шумового и струнного оркестров.

Тут же было решено два раза в месяц устраивать комсомольские вечера, причем некоторым комсомольцам—Доре Васильевой, Кожину и Мише Ткачу—было поручено помогать в этом Феде Решетникову.

Вскоре состав нашей экспедиции увеличился на одного человека: 30 августа комсомолка Дора Васильева родила

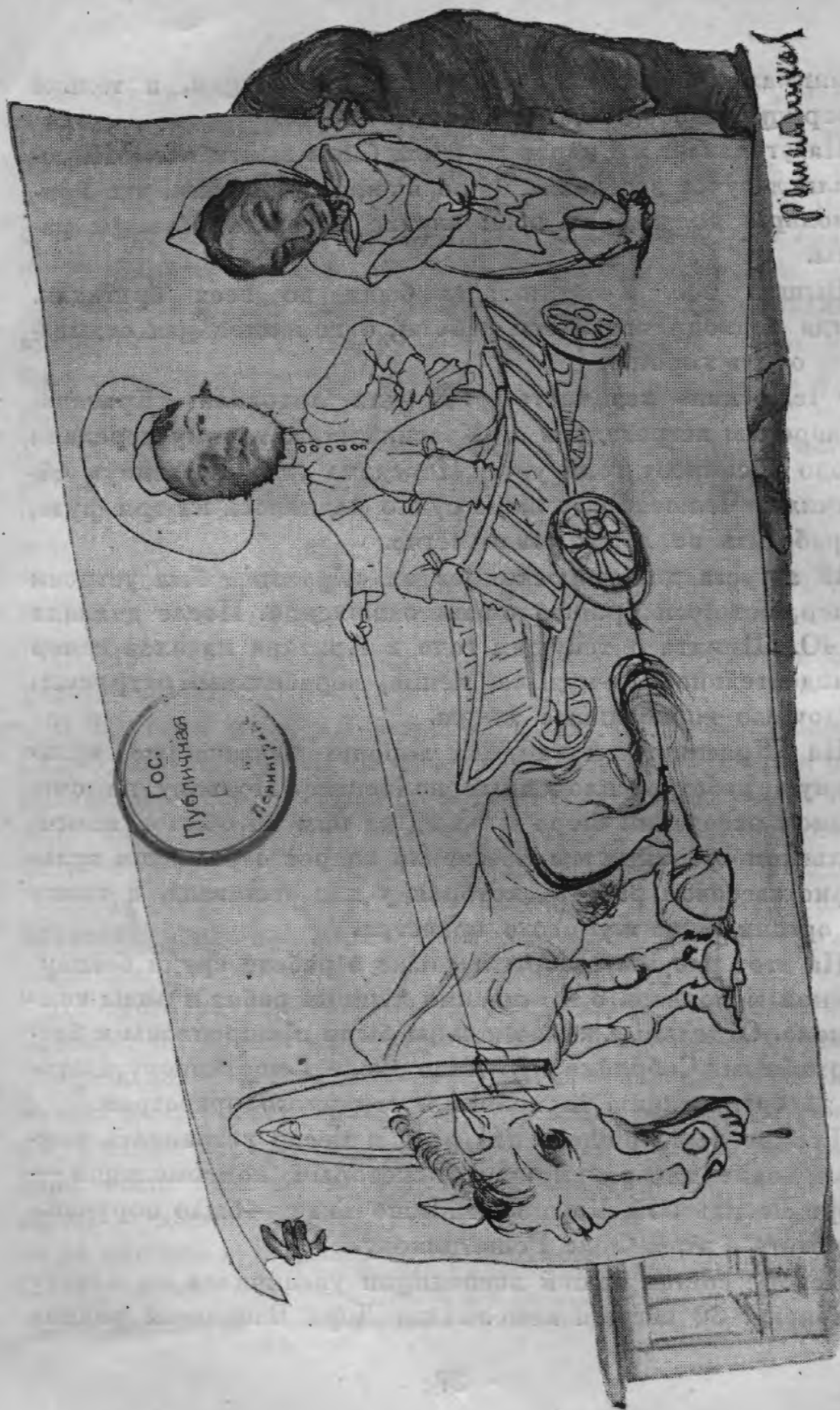

Рис. С. С. С.

«Украинский лубок».

дочь. В тот день мы коллективно перебирали всевозможные имена и в конце концов решили дать девочке какое-нибудь «арктическое» имя. Предлагали имена Нерпа, Моржина, Кара, Карина, Кармо (Карское море), Мюд (поскольку дело происходило накануне Международного юношеского дня). Назвали в конце концов девочку Кариной. В судовом журнале записано:

«5.30 у супругов Васильевых родился ребенок—девочка; исчислимая широта $75^{\circ}46'51''$, сев. долгота $91^{\circ}06'$ вост. Имя девочки Карина. Глубина 52 метра».

Вечер, посвященный XIX Международному юношескому дню, был первым вечером, организованным по инициативе комсомольцев. На вечере Витя Гуревич сделал доклад о Международном юношеском дне, а после доклада была художественная часть. Гвоздем нашей программы были выступления Феди Решетникова — организатора и главного участника вечера. Здесь он впервые широко продемонстрировал свои художественные, литературные и музыкальные способности. В программе был «украинский лубок». Большая рамка, на ней карикатурно изображены парень и девушка, едущие в телеге. На месте лиц — отверстия, в которых показывались головы Феди Решетникова, изображавшего девушку, и Миши Ткача, изображавшего парня. Они пели украинские частушки.

Затем выступило струнное трио — гитара, мандолина, балалайка — Юра Морозов, Кожин и Ломоносов.

Поэт Сельвинский, кинооператор Аркаша Шафран и Федя Решетников хором спели «Песню Дзыги» Сельвинского:

Дзыга. Шли три матроса

С буржуйскава плена?

С буржуйскава плена

Домой

Припев: Ай-дири-дара.

Хор. И только вступили в Се-

вастопольскую бухту,

Как их спорази-ило грозой.

Дзыга. Сказал один матросик:
— Мне нет больше мочи,
Мне нету больше мочи?

Так жить

(Припев.)

Заплакали горько
Их ка-а-рие очи:
«Кадеты ж с нас веревки будут вить».

Хор. Заплакали горько

Их карие очи:

«Кадеты ж с нас веревки будут вить».

Дзыга. Сказал другой матросик:

— Вить мы проиграли...

Вить мы жа проиграли?

Войну!

(Припев.)

Советская знамя

Варвары растоптали

И Май-Борода сам в плену.

Хор. Советское знамя

Кадеты растоптали

И Май-Борода сам в плену.

Дзыга. Сказал третьей матросик:

— Мы исчо вернемся,

Ах, мы исчо вернемся, хлоп вам в лоб!

(Припев.)

Оставим с вашей суши

От пуна уши,

Насквозь перекопаем Перекоп.

Оп! Оп?

Хор. Оставим с вашей суши

От пуна уши,

Насквозь перекопаем Перекоп.

Дзыга. Шли три матроса

С буржуйскава плена...

Слова хора подхватывала вся аудитория.

В заключение Федя прочитал двадцать четыре обязательства Карины. Он сделал макет ребенка, просунул голову и руки в вырезанные отверстия и стал читать эти обязательства. Это были двадцать четыре пункта, в которых высмеивались «слабые места» наших челюскинцев. Среди них были такие, например:

«...Шестнадцать... Вы засыпаете!...»
Петр Карлович лечит Лобзу гипнозом.

«Обязуюсь, кроме слова «мама», больше никаких матерных слов не произносить и вызываю...» — дальше шли фамилии товарищей, часто пускавших в ход «крепкие выражения».

«Обязуюсь до шестнадцати лет не употреблять никаких крепких напитков, кроме молока, и вызываю...» — и

дальше он называл фамилии тех, кто налегал на «крепкие напитки».

Много смеялись.

К Международному юношескому дню вышел специальный бюллетень, сделанный Решетниковым и мною, и очередной номер стенгазеты «СМП», которую редактировал заместитель Шмидта — Илья Леонидович Баевский. Оформление газеты все время лежало на Решетникове и мне.

В этом номере стенгазеты были напечатаны эпиграммы Сельвинского, которые всем очень понравились.

Отто Юльевич увлекался игрой в домино и в козла. По этому поводу Сельвинский написал:

Пройдет сезон, и Отто гордо
Предъявит миру два рекорда:
Пять тысяч двести восемнадцать
Сплошных челюскинских узла
И семь миллионов триста двадцать
Четыре партии в «козла».

О корреспонденте Борисе Громе, который посылал большие корреспонденции в «Известия» по радио, Сельвинский писал:

Да, тяжело свой облик в бронзе высечь,
Сему способствует небез«Извест»ный рок:
Борис в каюте сеет десять тысяч,
А вот в газете всходит... десять строк.

Наш любимец старший радист Эрнест Кренкель злоупотреблял «крепкими» выражениями. На этот счет Сельвинский писал:

Эй, аптекарь, глуховат ты?
Дай скорее в ухо ваты,
Видишь — грозный, как утес,
Входит Кренкель тароватый,
Фсерического мата
Пиротехник-виртуоз.

После мюдовского вечера у нас пошла целая серия вечеров самодеятельности, в которых участвовала поч-

Александр Погосов.

ти вся молодежь. Кроме музыкальных номеров, танцев, частушек, пения, на этих вечерах высмеивались некоторые происшествия на «Челюскине».

Однажды Решетников удачно высмеял случай, происшедший с фотографом экспедиции, нашим уважаемым Петром Карловичем Новицким. Дело было так. Петр Карлович вообразил, что обладает гипнотическими способностями. У научной работницы Лобзы заболел палец. Тут Петр Карлович решил проверить свой талант. Он пригласил ее к себе, с величайшей серьезностью усадил и стал манипулировать руками:

— Вы засыпаете. Раз, два, три... Засыпайте. При счете «шестнадцать» вы закроете глаза. Раз, два... шестнадцать. Закройте глаза. Закрываете глаза. Засыпаете! Шестнадцать...

Лобза, поверив его серьезному виду и необыкновенному способу лечения гипнозом, молча и безропотно выполняла требования. В это время на палубе, у окна каюты Новицкого, собралась группа, которую возглавляли Федя Решетников, Борис Громов и Шафран. В разгар манипуляций Петр Карлович был ошарашен громopodobным хохотом.

Потом Федя в кают-компании инсценировал в перерывах между музыкальными номерами деятельность «гипнотизера-спирита».

Наши шутки, наши развлечения не только не мешали работе, а, наоборот, вселяли бодрость, спланивали коллектив и подготавливали его к той, особенно упорной и тяжелой работе, которая предстояла у нас.

V. АВРАЛЫ, АВРАЛЫ...

«Челюскин» быстро движется вперед. 2 сентября мы были уже у мыса Челюскина. Здесь мы пережили большой исторический день: у самой северной оконечности

СССР мы встретили целую эскадру кораблей («Русанов», «Красин», «Сибиряков», «Сталин», «Седов», «Правда», «Володарский» и другие) — всего одиннадцать судов. Пройдя пролив Вилькицкого, мы очутились в море Лаптевых; здесь шли при сильном боковом и встречном ветре, в сильном шторме.

В Восточносибирское море прошли проливом Санникова, где принуждены были уменьшить ход, потому что пролив был не изучен и оказался очень мелководным. Приходилось спускать шлюпки для измерения глубины. Еще более затрудняла проход туманная погода.

Приближаясь к мысу Северному, мы снова стали встречать льды. К мысу Северному мы добрались уже сплошным тяжелым льдом.

Еще через несколько дней мы подходили к острову Колючину. Шли все время тяжелыми льдами, временами дрейфуя вместе со льдами, которые двигались по направлению к Берингову проливу. У Колючинской губы «Челюскину», зажатою в тисках ледяного дрейфа, стала угрожать опасность наткнуться на скалы. Но остров оказался справа, и мы вместе со льдами застряли в Колючинской губе.

Дрейф прекратился. В миле от нас лед двигался большой ледяной рекой по направлению к Берингову проливу. Встала задача: выбраться из неподвижного льда и пробиться к дрейфующей полосе, которая могла бы нас вынести к Берингову проливу. Лед двигался со скоростью 2 километра в час, так что движение льда было ясно видно. Тут начались наши аммональные авралы.

С помощью аммонала мы пытались сильными взрывами вырваться из неподвижного ледяного поля и включиться в общий дрейф. Но это не удалось. Пытались мы также, подрывая лед у кромки, приблизить течение дрейфа к кораблю. И это не удалось. Пытались раздробить лед перед носом судна и дать возможность двигаться самому судну. Опять неудача! Лед был многолетний — плотный

и многослойный. На место взорванных верхних слоев всплывали нижние, не менее тяжелые и мощные слои льда.

На аммональный аврал были мобилизованы все силы. Работники разделились на группы. Одна группа подготавливала банки с аммоналом; другая перетаскивала к месту взрывов аммонал, кирпич, веревки, палки; третья производила взрывы. Труд был очень тяжелый. Часто люди проваливались под лед с привязанным на спине грузом.

С аммонального аврала перешли на ледовой. Руководители экспедиции решили произвести околку льда вокруг корабля, с тем чтобы «Челюскин» мог развернуться и при первой возможности выйти к дрейфу из сковавших его льдов.

29 сентября в восемь часов утра начался ледовой аврал. В нем участвовал весь состав экспедиции и команды, в том числе и женщины. Разбились на две бригады — одна работала у носа, другая у кормы. Взрывами пробивали лед, окружавший судно. Громадные массы льда укладывали на самодельные сани и отвозили в сторону.

Рубим лед всем, чем можно. Аммонал, пешки, ломы, топоры, багры, крюки, сачки, доски и палки — все пустили в действие. Работали по восьми часов в день; дело сначала подвигалось медленно, потом работа пошла с нарастающей производительностью. Работали весело, с задором. Все дружно приветствовали призыв «перекурка» и свисток, предупреждавший — «полундра, взрыв».

Наиболее тяжелой работой на этом аврале была перевозка льда на санях. К саням приделали веревочные лямки, в которые впрягались два человека. Их называли «лошадками». Двое других подталкивали сани сзади. На перевозке были заняты главным образом комсомольцы, как самые молодые и крепкие.

Хуже всего было то, что лед вновь и вновь нарастал. Рубишь, колешь, возишь лед, а глядишь — к утру сделанные вчера проруби снова покрываются крепкой ле-

дяной корой, для удаления которой приходится снова тратить час-два, а то и больше. Временами работа казалась безрезультатной: пробьешь лед — снизу оказывается вода, а еще ниже — опять лед.

Так работали мы семь дней. С каждым днем производительность труда увеличивалась. Стали употреблять лебедки. Отрывали большие глыбы льда, подводили под них стальные тросы, лебедкой поднимали их и оттаскивали в сторону.

Разгорелось соревнование между носовой и кормовой бригадами. Итоги работы бригад подводились ежечасно во время перекуров. Бригады собирались под большим рюкзаком, который защищал от резкого холодного ветра. Представители бригад, проверив на месте сделанную работу, объявляли, чьей бригадой сделано больше.

Неудача! Несмотря на нашу напряженную работу, выйти из льдов «Челюскин» не мог, и мы все еще стояли на месте. Начались разговоры о зимовке...

1 октября, совершенно неожиданно для нас, с берега — за тридцать пять километров — к «Челюскину» на двух собачьих упряжках пришло пятеро чукчей. Отто Юльевич решил с чукчами пойти на берег, чтобы достать там несколько нарт и отправить на материк группу товарищей, которые не могли оставаться на «Челюскине» или вследствие слабого здоровья или из-за необходимости возвращения в Москву.

2 октября Отто Юльевич вернулся с четырьмя нартами, и 3 октября восемь человек, в том числе больной комсомолец Данилкин, ушли с корабля на берег.

А мы стояли почти на месте. Долгое время дул северо-западный ветер, который прижимал льды к Чукотскому побережью и все дальше отодвигал от «Челюскина» кромку дрейфующего льда.

4 октября северо-западные ветры сменились юго-западными. Начались подвижки льда. Появились большие разводья.

Льдина, в которой застрял «Челюскин», начала дрейфовать. На следующий день льдина треснула, и «Челюскин» получил возможность двигаться вперед.

Нам оставалось пройти двести семьдесят километров до Берингова пролива, чтобы закончить прохождение Северного морского пути, но на этом пути было много тяжелых сплоченных льдов, с которыми «Челюскину» было трудно бороться. Еще в Карском море, при встрече с первыми льдами, «Челюскин» получил вмятины и небольшую течь. После этого «Челюскин» имел еще несколько неприятностей. Прохождение в тяжелых льдах расшатывало заклепки и расстраивало швы корабля. Наши плотники под руководством инженеров подкрепляли погнутые шпангоуты (металлические ребра корабля) и борт в промятых местах.

Когда мы подходили к острову Колючину, пострадал руль. Здесь же была получена пробоина — настолько большая, что свет через нее падал в трюм. Но, к счастью, она была на высоте тридцати сантиметров над водой и поэтому не задерживала ход корабля.

Мы двигались вперед, но все же были в руках у ветра и льдов. Попутные ветры несли нас в направлении к Берингову проливу. Менялись ветры — и нас гнало на северо-запад, в район мыса Сердце-Камень. Самостоятельно «Челюскин» двигался только урывками.

Не успели мы отдохнуть от ледовых авралов, как пришлось объявить большой угольный аврал.

Во время погрузки угля на «Челюскин» в Ленинграде стояла ненастная погода, шел мелкий дождь. Влажный уголь, погруженный в трюмы, слеживался, становился почти непроницаемым и не подвергался никакому вентилированию. Нижние слои угля стали напреваться, и уголь начал самовозгораться. 26 октября мы почувствовали сильный запах газа, исходивший из второго трюма. Привычные к авралам, мы быстро организовались, начали рыть очаги горения и заливать их водой. Залитый и поту-

щенный уголь пересыпали в бункер, где он проветривался.

От горевшего угля поднимались столбы пламени с удушливым дымом. Трюм невозможно было осветить — настолько густы были пыль и дым. Работали, стараясь меньше дышать. Когда наглотаешься копоты и пыли и чувствуешь приближение обморочного состояния, выбираешься наверх к люку подышать свежим воздухом, отплеываешься от грязи, которая забилась в рот, в нос, и спускаешься снова вниз, на работу.

Когда, после окончания авралов, «Челюскин» начал медленно двигаться вперед, блеснула надежда, что зимовки удастся избежать. Шум работающих машин и плавный ход судна сразу подняли настроение. На это конечно немедленно реагировал Решетников, выпустив очередной номер «Ледового крокодила», посвященный авралам и уходу восьми товарищей на материк.

Вновь возобновились занятия шумового оркестра, возобновились вечера. Предметом наших шуток и разговоров сделался мыс Сердце-Камень, мимо которого нас несколько раз проносило вперед и назад и который нам изрядно надоел.

Здесь мы сперва пытались двигаться самостоятельно, пробиваясь сквозь тяжелые льды. Но тяжелые ледяные перемычки преодолевались «Челюскиным» с большим трудом. Бывали такие вахты (вахта — четыре часа), в которые мы подвигались только на сто — сто пятьдесят метров. За одну вахту было как-то отмечено сто восемьдесят два переменных хода — назад, вперед, назад и т. д. Капитан Воронин с раннего утра до позднего вечера не вылезал из бочки (наблюдательный пункт на мачте корабля), или «воронина гнезда», как мы его называли. Оттуда он следил за окружающими судно льдами и направлял корабль. Неоднократно пускался в ход аммонал, причем это делалось на ходу, так, что наша бригада аммональщиков — комсомольцы Гуревич и Миронов и руко-

водитель-подрывник Гордеев—работали на льду в то время, когда корабль двигался. После взрыва, когда «Челюскин» начинал пробиваться вперед, бригада на ходу залезла на судно, перепрыгивая через шевелящиеся льды, хватаясь за штурмтрап и спущенные концы.

Вскоре возможность двигаться самостоятельно совершенно прекратилась. Нас носило по воле ветров и течений мимо мыса Сердце-Камень, который сделался ругательным словом. С каждой петлей корабль все больше и больше уносило от берега в глубь моря.

Наконец установившимся постоянным ветром нас понесло к Берингову проливу. Прошли опять мыс Сердце-Камень, прошли мыс Инцова. Впереди ясно виднелись Дежневские горы. Наконец, вместе со льдом, мы втиснулись в Берингов пролив и стали медленно приближаться к островам Диомида. Справа ясно виднелся мыс Дежнева и эскимосское селение Наукан.

Настроение на судне было праздничное. Если бы мы прошли Берингов пролив и вышли в Берингово море, то могли бы считать себя освобожденными из ледяного плена: наша льдина под влиянием теплого течения и большой массы воды треснула бы, и судно получило бы возможность двигаться самостоятельно — на Петропавловск, во Владивосток.

Мы начали усиленно готовиться к октябрьским торжествам. Они должны были совпасть с празднованием благополучного окончания похода.

4 ноября мы были уже в Беринговом проливе. В четырех-пяти километрах от нас виднелась чистая вода. Но потом... потом начался обратный дрейф. Нас потащило обратно на север с громадной скоростью—до пяти километров в час. Мы попали в струю обратного течения, и нас вышвырнуло из Берингова пролива обратно в Чукотское море!

В Берингов пролив «Челюскин» больше уже не вернулся...

VI. ЗИМОВКА

Итак, стало ясно, что Берингов пролив мы в этом году не пройдем и что придется зимовать либо в Чукотском море, либо, если нас течением унесет на север, в Ледовитом океане.

«Челюскин» самостоятельно уже не двигался. Он вмерз в громадную льдину площадью примерно в двадцать пять квадратных километров и стал как бы ее частью.

Встала проблема пресной воды, запасы которой на судне к этому времени иссякли. Тогда мы ломали куски пресного льда, растапливали их и таким образом получали пресную воду.

В машинном отделении два котла были потушены, работал только один. Лебедки перестали работать. Всякие работы, которые до этого производились механическим путем, стали производиться вручную.

Начали экономить уголь. Угля было мало, а мы понимали, что «Челюскин» сможет выйти весной собственными силами только при условии, если у него будет запас угля. В противном случае даже тогда, когда судно освободилось бы от льдов, ему пришлось бы ожидать прихода на помощь транспорта с углем. Поэтому мы экономили уголь на паровом отоплении, на освещении, на кипячении воды.

Свою обычную работу вел лишь научный состав экспедиции: он наблюдал за погодой, изучал движение льдов, жизнь моря, химию воды и льдов. Команда же была занята консервированием механизмов на зимовку и, главное, экономным расходом угля в действующей топке. В каютах и трюмах сократили паровое отопление до минимума и их обогревали камельками.

Строители занялись приспособлением судна к зимовке—отоплением холодных мест, устройством зимних помещений. Для облегчения растопки пресного льда сделали специальную большую печь.

Итак, зимовка!

Новые условия жизни. По-новому надо было строить и производственную и общественную работу, и новые задачи встали перед нашим коллективом. Если до зимовки широко развернулась работа комсомольских вахт, если в комсомольском отделе газеты «СМП» внимание комсомольцев заострилось на вопросах производственных, то теперь во всю ширь встал вопрос об экономии угля, об экономии пресной воды, об экономии жидкого топлива (керосин, нефть).

Зимовка открыла большие возможности для учебы.

В эти дни у нас состоялось комсомольское собрание. Стояли вопросы: о перевыборах бюро ячейки, план работы на зимний период, о зимовке во льдах.

Собрались мы в каюте Миронова и Ткача. Присутствовало человек двенадцать. Миша Ткач, которого мы собирались избрать секретарем, волновался. К докладу готовился Витя Гуревич, наш партприкрепленный. Рядом с ним сидел машинист Володя Задоров, секретарь партийной ячейки. Паршинский забился в дальний угол койки и пыхтел своей трубкой. Вася Громов оживленно рассказывал случай, как во время его вахты в кочегарке моторист Иванов уронил в кучу угля свои очки, а он, не заметив, швырнул их вместе с лопатой угля в топку. Бедняга Иванов остался без очков, чем был сильно удручен, Вася же чувствовал себя несколько виноватым, что оставил «без глаз» старика.

Начали собрание. Бюро избрали быстро. Выбрали Ткача, Федю Решетникова, Сашу Миронова, Громова и меня.

Много говорили о перестройке, о новом плане работ.

С большим вниманием слушали выступление уважаемого всеми комсомольцами руководителя партийной организации челюскинцев—Задорова. Он говорил нам о новых задачах, которые стоят перед нами, о роли комсомольцев в борьбе за экономию угля. Особенно он упирал на необходимость развить военную и физкультурную работу, ко-

торая приобретала особую важность с наступлением полярной ночи.

В составе нашей экспедиции было лишь небольшое количество опытных полярников, которые привыкли к условиям Арктики, остальные были новички. Многие из нас не только впервые были в Арктике, но и вообще впервые жили на корабле. Поскольку нам предстояло зимовать, надо было людей вывести с корабля на лед, из кают на воздух. Нужно было ввести в быт прогулки, охоту, а для этого верное средство—физкультура.

После Задорова выступали с конкретными предложениями многие ребята. Паршинский предложил организовать спортплощадку на льду, игру в городки около судна, утреннюю зарядку и даже конькобежный спорт. Вася Громов брался выковать коньки.

Но последнее предложение было отклонено, так как ровный, молодой лед—соленый, а по соленому льду бегать на коньках нельзя.

Мне была поручена организация военно-стрелкового спорта: организация стрелкового кружка, практическое изучение военных дисциплин, организация небольших лыжных походов и наконец изучение винтовки, нагана и пулемета.

Федя Решетников говорил о культурно-массовой работе. Он поддержал Паршинского, считая необходимым сделать упор на физкультурную работу, на работу вне судна, на воздухе.

Далее говорили об учебе. Участие комсомольцев в школах партийной учебы было неудовлетворительным. Гуревич и я предложили организовать отдельный комсомольский кружок по изучению истории партии, а также организовать техническую учебу для поднятия квалификации кочегаров и матросов.

Самостоятельный комсомольский политкружок был организован, и в него вошли все комсомольцы. Руководил кружком заместитель начальника экспедиции товарищ

Баевский. Были также организованы кружки по поднятию квалификации матросов, кочегаров и машинистов. С матросами занимались штурманы; там изучались основы навигации, палубные работы, сложные приборы и все, что связано с судовождением и судовыми работами на палубе. Кружком кочегаров и машинистов руководили механики. Кочегаров знакомили с процессом горения, с устройством котлов и машин, с техникой рационального использования топлива и тепла, а также с машинным управлением.

Многие комсомольцы были вовлечены в кружки по изучению английского языка. Таких кружков было организовано два. Ими руководили главный механик Матусевич и Витя Гуревич.

Для малограмотных строителей были организованы общеобразовательные кружки по изучению русского языка, арифметики, географии.

Миронов взялся за организацию литературного кружка. Фотограф Новицкий руководил фотокружком.

Я взялся за стрелковый кружок. Нам дали винтовки и патроны, мы сделали самодельные щиты, выбрали место недалеко от судна и стали ходить группами стрелять.

Сначала ходило пять человек: механик Колесниченко, механик Филиппов, Витя Гуревич, я и моторист Иванов. Потом стрелять уже шли многие, и среди нас часто бывал Отто Юльевич.

VII. ШУТКИ ФЕДИ РЕШЕТНИКОВА

Возобновились наши вечера, стала выходить стенная газета и «Ледовый крокодил».

За Федей Решетниковым к этому времени крепко упорочилась популярность «заводилы» и затейника. Некоторые шутки Феди мы вспоминаем до сих пор, и о них я хочу здесь рассказать.

Однажды Решетников обратился к радисту Эрнесту Кренкелю, главному механику Матусевичу и второму помощнику капитана Маркову, которые пили очень много чаю, с предложением:

— Давайте это дело вынесем в массу и объявим соревнование—кто больше чаю выпьет.

Те согласились и начали тренироваться, а Федя стал анонсировать новый «номер».

Вначале была вывешена афиша: «Алло! Алло! Скоро!! МАКРЕМАТ!!!»

Никто не знал, что такое «Макремаат». Спрашивали у Феде, а он говорил, что тоже ничего не знает.

На другой день Федя вывешивает новую афишу—о том, что дирекция, не жалея затрат, послала самолет за Макремаат и сообщает по радио: «СКОРО БУДЕТ МАКРЕМАТ».

Шесть дней Решетников вывешивал афиши с разнообразным текстом, в том числе и со стихами. Тройка тренировалась в чаепитии; и Федя каждый раз справлялся, как у них идет дело.

Во время обеда люди находили под тарелками маленькие записочки: «Скоро Макремаат». Аншлаги о Макремаате в стихах с рисунками висели в каютах, в коридорах и даже в бане:

Не хочу я шоколад,
А пойду на Макремаат.
Эй, вы, кто вы? Виноват!
Скоро будет Макремаат.

.Кренкель говорил, что одиннадцатую чашку чая он «проворачивает», а больше не может. Матусевич жаловался, что угнаться за Кренкелем он не в состоянии и что ему, очевидно, придется отказаться от публичного соревнования.

Программа «Макремата» была выработана такая: пять патефонов, которые были на борту «Челюскина», Федя должен был зарядить разными пластинками и затем пу-

АВТОШАРЖ

Федя Решетников.

стить все вместе. МА-КРЕ-МАТ, то есть Марков, Кренкель, Матусевич, должны были войти в черных масках в кают-компанию и сесть за большой стол, каждый против

своего чайника. Одежда гастролеров надо было в белые халаты с полотенцами. Результаты соревнования объявляются публике через рупор.

К сожалению, «Макрема» не удался из-за очередного аврала...

Зоолог нашей экспедиции Стаханов вместе с помощником Шмидта Алексеем Николаевичем Бобровым ходил на охоту. Кренкель пустил слух, что во время охоты кто-то из них убил корову на мысе Дежнева. Кренкель сказал, что он по радио получил телеграмму, что убита корова Охматмлада. Эту телеграмму Эрнест принес Отто Юльевичу, когда у него были Бобров и Стаханов. Отто Юльевич сразу догадался, что это шутка, но, сохранив серьезное выражение лица, сказал, что «дело надо расследовать».

Стаханов немного «сдрейфил» и старался создать на судне мнение, что корова убита не им, а Бобровым. Бобров же всячески оправдывался, говоря, что они стреляли совсем не в сторону мыса Дежнева. А вообще дело было в двенадцати километрах от мыса Дежнева, и никакая пуля туда, даже при самой большой меткости стрелка, долететь не могла...

Стаханов встретил Федю и сообщил ему, что Алексей Николаевич убил корову.

— Какую корову? Откуда корова?

— На мысе Дежнева. Самым серьезным образом — стрелял и убил. Есть телеграмма: так как убита корова Охматмлада, надо купить другую или как-нибудь оправдать это дело.

В каюте Ильи Леонидовича Баевского шло обсуждение инцидента. Илья Леонидович, который был в курсе этой шутки, говорил:

— Как бы пуля ни попала, а факт тот, что она попала. Необходимо срочно как-нибудь исправить ошибку. Нужно составить комиссию и разобрать вопрос, как можно воссоздать корову.

На вечере, посвященном новому году, Федя вместе с Шафраном выпустили фильм, посвященный убийству коровы. Фильм сопровождался стишками:

На мысе Дежнева
Корова гуляла
И тихо о чем-то мычала.
Навстречу ей вышел
Охотник безвестный,
Шутя навернул по корове прелестной.
Бедняга-корова
Вдруг «ах!» промычала,
Схватилась за грудь
И без чувства упала.
Была та корова
Не очень здорова,
Но в общем наутро
Издохла корова.

Вскоре Федя разыграл новую шутку. В составе экспедиции были два научных работника — Стаханов и Белопольский, которым надо было изучать живой мир Арктики. Если во время рейса еще попадались животные и птицы, то в дни зимовки, в полярную ночь, мы их не видели. Федя решил дать зоологам работу и одновременно развлечь всех нас. Он подошел к Стаханову и сообщил ему, что видел следы медведя недалеко от судна, но сомневается все же, был ли это медведь. При этом он нарисовал ему неправильный след. Стаханов авторитетно заявил, что след медведя вовсе не такой, и на бумаге изобразил рисунок следа. Федя взял эту бумажку и по чертежу сделал себе подметки огромного размера из дерева, снизу обил их войлоком и парусиной, спереди забил по пять гвоздей на каждую подметку, придал им форму когтей и однажды вечером прошелся невдалеке от судна. Чтобы скрыть следы, он ушел на голый лед. Первым увидел следы подрывник Вася Гордеев, который сообщил всем, что невдалеке от судна — следы медведя. На другой вечер Федя опять прошелся возле корабля и

скрыл следы под ропаком на льду. Так он проделывал примерно в течение пяти дней.

На корабле начались разговоры о том, что нужно организовать охоту на медведя. Охотники стали готовить ружья. Стаханов и Белопольский ежедневно осматривали следы, зарисовывали их, измеряли, фотографировали и заполняли дневники данными о медведе. При этом между зоологами произошел научный спор: один из них утверждал, что это самец и веса в нем не менее восьмидесяти пудов, а другой, наоборот, доказывал, что это самка весом пудов в шестьдесят. Оба они умоляли всех нас не топтать следы и несколько следов обили колышками.

Стали рождаться планы поимки и убийства этого «медведя».

Стаханов и Бобров решили выйти ночью и подстеречь медведя, что они и сделали. Но Федя Решетников в эту ночь не вышел.

Повар Юра Морозов решил поймать медведя и не мерзнуть. Он подвязал кусок мяса на веревочку, второй конец ее провел в каюту и привесил звоночек, рассчитывая, что, если медведь начнет есть мясо, раздастся звонок и он через иллюминатор убьет медведя.

На следующий день на судне было сильное оживление: хитрый медведь унес мясо так осторожно, что даже звоночек Юры не звонил...

Вскоре «медведь» был найден вахтенным матросом. Федя уговорил его молчать и дожидаться очередного номера газеты, где появился большой фельетон с иллюстрациями под названием: «Научная работа наших зоологов». Фельетон был подписан: «Федя, которого приняли за медведя».

Очень часто устраивались вечера-сборища в кают-компании. Центром веселья был оркестр под руководством Феде — наш шумовой джаз. Мы пели хоровые песни, чащушки, танцевали. Одной из любимых песен были «Медвежата».

В кочегарке «Челюскина».

Это шуточная песенка, сочиненная Решетниковым на манер песенки «Негритята». Слова такие:

Двенадцать медвежат
Пошли купаться в море
И там они развились,
Играли на просторе.
Один из них утонул,
Купили ему гроб,
И вот вам результат —
Одиннадцать медвежат.
Одиннадцать медвежат
Пошли купаться в море
и т. д.

В каждом куплете медвежат становится все меньше.

Вначале песенка поется медленно, затем темп ускоряется. Песенку можно было начать с любой цифры медвежат. Когда однажды Решетникову предложили в срочном порядке устроить вечер, а нового репертуара у него не было, он, отвечая на настойчивые требования, вывесил аншлаг:

«Завтра в кают-компании состоится музыкально-художественный вечер. В программе «Сто двадцать медвежат» в исполнении джаз-оркестра. Первое отделение — шестьдесят медвежат. Второе отделение — остальные шестьдесят. Приглашаются все. Во время антракта три патефона исполняют одновременно танго, фокстрот и цыганские романсы Хенкина».

Народ собрался. Но когда стали петь «Сто двадцать медвежат», публика больше двадцати медвежат выдержать не могла, потому что сто двадцать медвежат надо слушать минимум часа два.

Шутки и выдумки Решетникова в тяжелые будни полярной зимовки вносили много бодрости и веселья. Они облегчали тяжесть жизни в обстановке оторванности от материка, от культуры, от родных и друзей. Во всех начинаниях Феда деятельное участие принимали комсомольцы, молодежь: Саша Миронов — своими эпиграмма-

ми и стишками; я — участником в выпусках газеты и «Крокодила»; Морозов и Кожин — участием в музыкальном кружке; Вася Громов — своей дикой лезгинкой, во время которой все трепетало под его ногами; Дора Васильева — частушками и русскими танцами и т. д.

Так мы развлечениями дополняли серьезную учебу и большую работу, какая велась на корабле.

VIII. НАС СТАЛО ВОСЕМНАДЦАТЬ

В результате широко развернувшейся учебы и активного участия в ней всего состава экспедиции на «Челюскине» встал вопрос об организации техникума. Времени для учебы много, можно организовать дело так, чтобы товарищи не только сдали технический минимум, но и солидно повысили свою квалификацию.

За организацию техникума взялся судовой комитет при помощи комсомольцев. Предполагалось создать группу кочегаров, которые по окончании курса могли бы получить права машинистов, группу матросов с получением прав штурманов, группу строителей, чтобы подготовить из них десятников. Начало занятий в техникуме было намечено на 13 февраля 1934 года.

Кроме учебы, у комсомольской ячейки было много и других забот.

Одно время на корабле резко ухудшилось питание из-за отсутствия свежих продуктов и овощей, ухудшилось приготовление пищи. Работая с большой нагрузкой, повара на качество изготовления пищи и на чистоту стали обращать меньше внимания, оправдываясь перегрузкой и плохим качеством продуктов.

Одно из заседаний бюро комсомольской ячейки было посвящено шефству комсомола над камбузом. Юрий Морозов — наш молодой повар — взял на себя обязательство показать образцы приготовления пищи и вызвал на со-

ревнование других поваров. О результатах своей работы он отчитывался на бюро. Качество пищи заметно улучшилось.

Наряду со стрелковым спортом, с наступлением проблесков дня по инициативе Паршинского был организован буерный кружок. Кружок взялся изготовить буер — трехугольную платформу на трех полозьях или лыжах для езды под парусами по льду и по снегу.

На зимовке состав нашей комсомольской ячейки увеличился на два человека: мы приняли в комсомол Юру Морозова и Бориса Виноградова. Пополнение наших рядов явилось результатом работы комсомольцев среди беспартийных ребят.

Борис Виноградов работал на судне третьим помощником капитана. Родился он в 1911 году в городе Кургане в Сибири. На водном транспорте работает свыше семи лет. Долго плавал в дальневосточных водах. В 1928 году участвовал в гидрографической экспедиции на Тихом океане. Закончил техникум в Ленинграде, после чего получил звание штурмана дальнего плавания и был принят на пароход «Челюскин». По просьбе комсомольской организации Борис возглавлял на пароходе комсомольскую вахту, чрезвычайно внимательно относился к своим обязанностям и, когда был свободен от исполнения служебных обязанностей, присутствовал на комсомольских собраниях. Саша Миронов, работавший в вахте Бориса на руле, во время вахт часто беседовал с ним. Виноградов стал активно посещать занятия кружков, а потом подал заявление о приеме его в комсомол.

Во время заседания бюро Борис был на вахте. Его вызвали. Он, рассказывая биографию, ярко описал все свои мытарства в период «бичевания» (от английского слова «бич» — берег, взморье), когда, будучи матросом, он бегал с парохода на пароход, из порта в порт, оторванный от общественной работы, и как упорной и самостоятельной борьбой он добился звания штурмана.

После нескольких вопросов мы отпустили Бориса на вахту, и он, смущенный и взволнованный, подняв воротник полушубка, пошел на капитанскую рубку.

Вслед за ним принимали в комсомол Юрия Морозова. Он родился в 1912 году в Москве в семье рабочего. С 1928 года работает поваром. В начале нашего плавания это был хулиганистый парень, стоявший вдали от общественной работы и от комсомола. С ним пришлось много поработать. Миша Ткач и Кожин часто с ним говорили. Парень стал выправляться, и ко времени зимовки мнение о нем у всего коллектива изменилось к лучшему. Он осуществлял шефство комсомола над камбузом, был старостой стрелкового кружка, учился в политкружке. Совершенно не умея раньше стрелять, он быстро выдвинулся в число лучших стрелков «Челюскина», много помогая мне в руководстве кружком.

В начале плавания комсомольцев было семнадцать. У Колючина Данилкин ушел на материк — осталось шестнадцать. Теперь нас стало восемнадцать.

IX. 13 ФЕВРАЛЯ

Утро 13 февраля 1934 года было на корабле обычным. В восемь часов — завтрак. За столом оживленная беседа, шутки и остроты, направленные по адресу опоздавших.

После завтрака каждый берется за свою работу. Одни идут на пресный лед, другие — в машинное отделение. Дневальные приступают к своим обязанностям.

Для комсомольцев этот день был не совсем обычным, потому что после обеда должно было состояться открытие нашего техникума. Машинист Анатолий Колесниченко, назначенный директором техникума, уже с утра бегал, забываясь о том, чтобы все было готово к началу занятий.

После обеда учащиеся собрались в столовой. Первый

урок — математика. Преподаст наш комсомолец, студент-практикант Алеша Апокин. Слушатели собираются и устраиваются поудобней. Но не успели еще как следует усесться, как в столовой был услышан скрип бортов. Машинист Вася Бармин говорит:

— Не придется ли вместо занятий на лед выходить?

Через некоторое время скрип усилился. Кто-то сказал:

— Пойдем на палубу, узнаем, что за скрип.

Все выбежали. На палубе заметное оживление. Чувствуется приближение чего-то грозного, трагического...

Да, гроза надвигалась — 13 февраля было последним днем существования «Челюскина»...

Я привожу здесь записи из моего дневника, сделанные на второй день после гибели корабля, в палатке на льду.

... 13 февраля в 1 час 30 минут дня корабль начал тонуть, а в 3 часа 50 минут «Челюскин» погрузился в Чукотское море, нырнув носом под лед.

Со вчерашнего дня дул сильный пятибалльный ветер с севера. Сегодня он усилился до семи баллов. После обеда с судна сквозь пургу стало заметно, что с левого борта торосит. Лед стал потрескивать. Я — дневальный. Кончив укладывать посуду в буфет, решил сходить на лед. Наскоро надев валенки и тужурку, я сошел с «Челюскина».

Метрах в пятидесяти от левого борта лед страшно торошил. Из старого, толстого льда образовался громадный вал, который неумолимо надвигался на корабль. Все трещит, гудит и воет. В несколько минут вырастает новая гряда торосов. Лед под ногами шевелится, пучит и ломается. Пурга и ветер.

Взбираясь по трапу, я видел, как лед стремительно налезал на борта. Судно затрещало по всем швам, и трап подо мною стало поджимать к борту. Корабль вздрагивал и дрожал. На корме бегали люди, несколько раз появлялась фигура Бориса Могилевича. Готовили продукты к выгрузке на лед. К этой выгрузке мы были уже подготовлены — «Челюскин» несколько раз подвергался сжатиям

льдов, и на случай аварии нами был подготовлен на палубе и в трюме аварийный запас продовольствия, топлива и одежды, который надо было выбросить на лед в случае опасности.

Однажды, 26 ноября, во время сильного сжатия мы уже произвели выгрузку на лед, но, когда опасность миновала, забрали продукты опять на судно, ибо в льдине начали появляться трещины...

...По спардеку бегал Воронин, отдававший приказания о выгрузке. Старшему механику Матусевичу приказано приготовить к действию помпы на случай, если корабль будет затоплять. Помощник начальника экспедиции Бобров собирает народ на аврал, но ребята сами вылетают из кают один за другим.

Я побежал в твиндек переодеться. Там уже многие одевались на работу. От сжатия льдов стоял такой треск, что казалось—сейчас льдина ввалится прямо в твиндек. Я быстро переоделся под скрип ломаемых шпангоутов и вылетел наверх. Меня послали на лед оттаскивать сбрасываемые с палубы продукты. Примерно, час я работал на льду вместе с Васей Громовым, Дурасовым и Лесковым. Просто удивительно, с какой одинаковой легкостью взваливали мы на плечи ящики со спичками, папиросами, консервами и пяти-шестипудовые мешки с сахаром, мукой и другими продуктами. Здоровяк Вася Громов только пыхтел и, сбросив очередной груз, подбегал к борту судна с криком: «Эй, там, Саша! Миронов!!! Подваливайте!»

Я вспомнил, что на судне остались винтовки, которые хранились у меня. Их надо было спасти. Я бросился наверх на корабль и спустился в твиндек. Там пока еще было сухо, но все трещало кругом, лопались переборки. Казалось, что происходит страшное землетрясение. Сперва я отобрал все пристрелянные винтовки, вынес их наверх, сбегал с ними на лед и уложил в шлюпку. Потом бросился во второй раз в твиндек. Схватил в охапку

оставшиеся винтовки, свой рюкзак и чемодан, вынес их наверх. Свои вещи бросил в кучу личных вещей, которые находились еще на корме. Винтовки снес на лед. Меня позвал бортмеханик самолета Бабушкина—Жора Валавин:

— В машине вода. Нужно спускать самолет на лед, а то будет поздно. Скоро придут люди помогать, но его нужно пока развязать. Ребята все заняты.

На минутку я спустился в машинное отделение, чтобы взять оставшееся там масло для самолета. В машинном плескалась вода. Левый котел, который стоял под парами, и средний котел сдвинулись с места. Паропроводные трубы сорвало. Из них вышел весь пар.

Я побежал на бак. Нос судна уже заметно опустился в воду. Борт возвышался над льдом не больше как на 1,25 метра. Вместе с Жорой Валавиным мы развязали самолет, который был привязан на палубе. К нам на помощь подоспело человек десять-двенадцать — Миронов, Баранов, Сенцов, Дурасов и другие. Стали поворачивать самолет.

Нос судна опускался все ниже и ниже. В первом и втором трюмах — вода. Судно, вздрагивая, погружалось. Край бортов уже на уровне льда. Дружное: «Разом — взяли!» — и почти на руках мы снесли самолет с корабля и метров на двадцать оттащили его по ропакам.

Потом я побежал на полубак за горголью (зимним маслом). Вода уже заливала палубу бака. Я бежал по воде. На полубаке схватил первые попавшиеся бидоны с маслом и бензином, выбросил их и сбежал сам. Жора вскрыл банку и увидел, что в ней касторка (летнее масло). Он крикнул мне:

— Саша, беги за горголью!

Выругавшись всерьдцах, я опять бросился под полубак. Там вода была уже выше колена.

Крикнув Жоре, что бегу за бензином, я помчался на корму. Корма еще держалась на воде. Мы стали искать

и сбрасывать на лед бочки с авиационным бензином первого и второго сорта. Сбросили три бочки.

В это время наши ребята—Могилевич, Миронов, Кукушкин, Паршинский, Громов, Фетин, Гуревич—находились еще на корабле. Одни помогали мне сбрасывать бочки с бензином, другие выбрасывали бревна, третьи—остатки личных вещей. Могилевич осматривал, что еще осталось невыброшенным на палубе. Работали лихорадочно, чувствуя приближение гибели судна. Воронин и Шмидт стояли на судне рядом и руководили выгрузкой, спокойно отдавая распоряжения.

Почти все уже на льду. На корме оставалась небольшая группа, человек двенадцать-тринадцать, среди них семь-восемь комсомольцев, которые находились здесь до последней команды капитана: «Все на лед!»

В этот момент я был на самом конце кормы. Ее вздыбило вверх. «Челюскин» стремительно уходил вниз. Услышав команду Владимира Ивановича, я прыгнул с высоты на лед. Отбежав шагов пятнадцать-двадцать, я обернулся. Погружались в воду капитанская и рулевая рубки, которые срезало, как ножом.

Когда начала погружаться труба, я обратил внимание на то, что на корме еще оставалось пять-шесть человек: Шмидт, Воронин, Могилевич, Паршинский и еще кто-то—я в пурге не мог различить.

Помню хорошо, как Отто Юльевич сполз по валившемуся трапу и как прыгнул капитан, который чуть не был придавлен свалившимся бревном.

На корабле оставался Борис Могилевич. Он стоял спокойно с трубкой в зубах. Затем стал спускаться по фальшборту. Я видел, как изо рта у него выпала трубка.

Все находившиеся близко кричали:

— Борька, прыгай! Боря, прыгай скорей!

Но его сбила катившаяся бочка.

«Челюскин» быстро погружался, и через пару-другую секунд на его месте осталась бурлящая, кипящая каша

изо льда, воды, бревен, бочек, ящиков и высокий столб угольной пыли и водяных брызг.

Меня обдало водой с ног до головы, когда я подбежал возможно ближе, думая помочь Борису. Я видел, как он барахтался во льду между досками. Я продолжал иступленно кричать ему, но через миг он скрылся под водой. Наступило всеобщее молчание. Только жалобно завывала пурга да серый мокрый лед колыхался на месте гибели «Челюскина» и неожиданной могилы комсомольца Бориса Могилевича.

Стало обидно и тяжело. Единственный из ста пяти челюскинцев навсегда остался в суровых льдах Арктики, в коварном, навеки памятном нам Чукотском море. Остался, погиб ненужной жертвой, напоминая нам о дне гибели судна, о дне рождения лагеря Шмидта.

Бориса не стало. Борис погиб. Первая жертва... Неужели будут еще? Эти мысли сверлят голову. Что нас ждет впереди? Какие еще испытания и трудности? «Челюскина» нет. Мы на льду. Берег далеко, а с нами женщины и дети... Я стоял еще несколько минут у могилы Могилевича и вспоминал его...

Я познакомился с ним в Ленинграде, когда «Челюскин» еще стоял под погрузкой в порту. День и ночь подвозили грузы, продовольствие, оборудование, одежду. Все это грузилось в объемистые трюмы судна. Бориса можно было видеть всюду. С записной книжкой в руках он переходил из трюма в трюм, на палубу, на корму. Он работал почти круглые сутки и никогда не забывал спросить товарища, не голоден ли он, не устал ли, не нуждается ли в чем-нибудь.

Когда мы вышли в поход и начались наши «лимонные», «овощные» и всякие другие авралы, Борис своими шутками, улыбкой и радостным настроением подбадривал авральщиков, подчас удрученных грязной и неблагодарной работой. Он сумел так организовать дело, что после многочасовой работы никто не отказывался пойти и отрабо-

тать еще несколько часов. Этого он достигал своим удивительным добродушием, спокойствием и готовностью в любое время помочь каждому, кто обращался к нему.

Мне вспомнился шторм в море Лаптевых, когда волны смывали грузы с палубы. Тогда большинство участников экспедиции сваливалось от продолжительной и сумасшедшей качки, а Борис, больной и слабый, еле державшийся на ногах, нашел еще в себе силы выйти на палубу, складывать палубные грузы и крепить их.

Занимая скромный пост заведующего хозяйством «Челюскина», он относился к этой работе серьезно и четко выполнял все распоряжения руководства. Как комсомолец, он видел и понимал, что правильная постановка хозяйства на корабле есть его политическая обязанность, и показывал в своей работе образцы дисциплинированности, аккуратности, честности и добросовестности, как и полагается комсомольцу.

В голове быстро проносятся обрывки воспоминаний... Вспоминаю вечера в кают-компании. В изобретательных выдумках и шутках Феди Решетникова и Аркаши Шафрана я вижу участником Бориса, который понимает, что эти шутки разнообразят наши деловые тяжелые будни и что они нам так же необходимы, как работа и питание.

Вспоминаю наши охоты... Борис был страстный охотник. Его веселые рассказы о прелестях охоты в ледяных торосах и ропаках вербовали все новых и новых охотников, заставляя людей вылезать из душных кают на свежий морозный воздух. Это тоже было необходимо нам.

Бориса нет... Это—первая жертва. Но будет ли она последней?..

Х. ЛЕДЯНОЙ ЛАГЕРЬ

Мешки, ящики, бочки, шлюпки, палатки в беспорядке разбросаны на льду. Быстро наступают сумерки. Укутанные фигуры челюскинцев начинают собираться к высоко-

му ропаку, где Алексей Николаевич Бобров, нарушив наступившее после гибели «Челюскина» молчание, собирает всех на перекличку. Рядом с ним стоит Отто Юльевич с заиндевевшей бородой.

Бобров торопливо называет фамилии по порядку кают. Ему помогают два-три человека. Каждый на свою фамилию откликается: «Есть!», «Здесь», «Жив!» или «Я!»

Алексей Николаевич не называет Могилевича...

Вид у всех измученный и усталый.

После переклички Отто Юльевич Шмидт дает распоряжение Боброву об организации строительства палаток для ночевки. Все разбрелись.

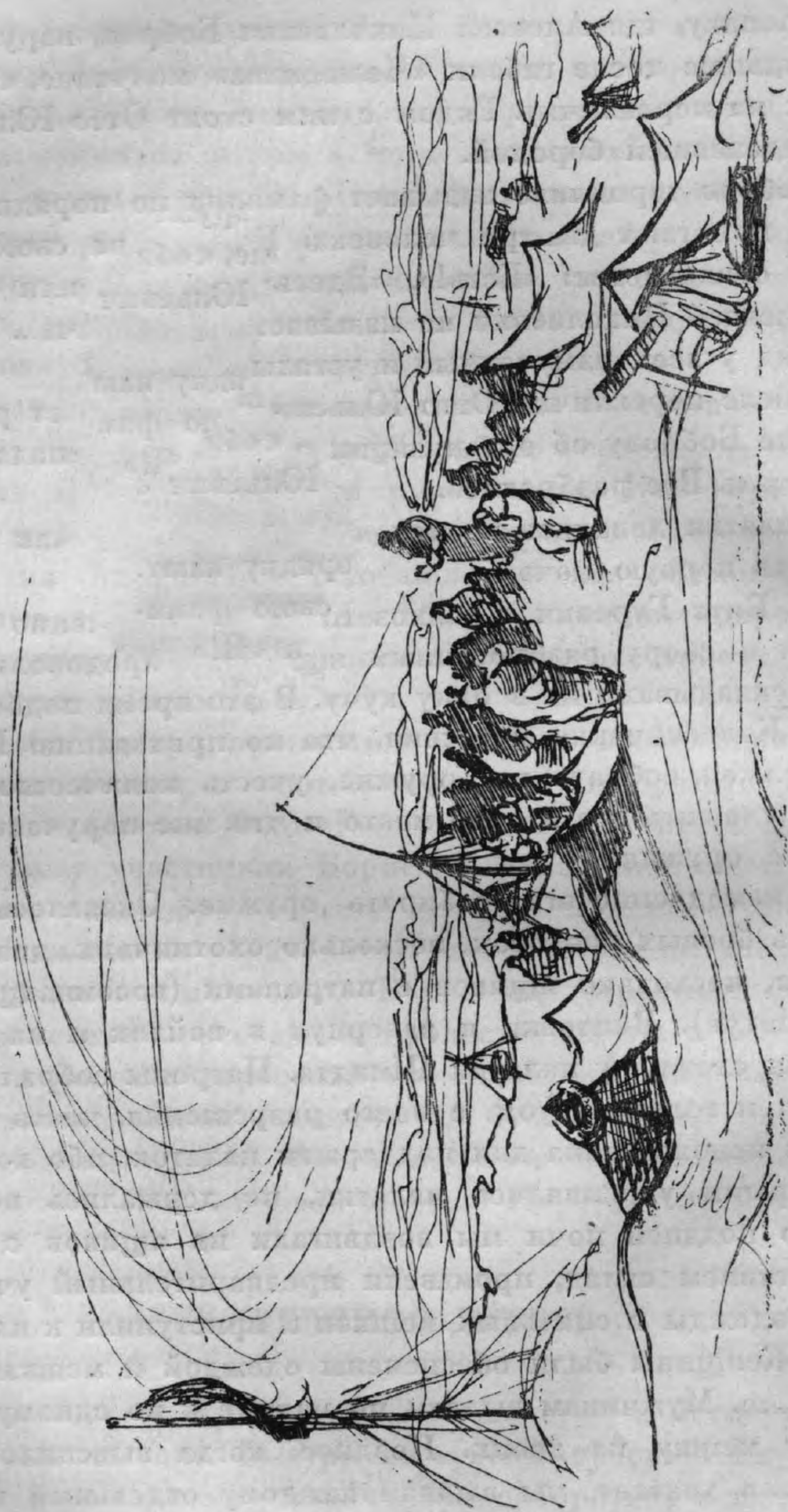
Палатки делались наспех, с тем чтобы кое-как переночевать первую ночь.

Я, Витя Гуревич и завхоз Кандын немедленно приступили к сбору разбросанных ящиков с продовольствием. Мы складывали их в одну кучу. В это время подбежал ко мне Колесниченко и заявил, что по приказанию Шмидта я должен собрать все оружие, учесть количество патронов, сложить все в одно место и что мне поручается хранение оружия.

Я немедленно стал собирать оружие. Оказалось семнадцать боевых винтовок, несколько охотничьих, два винчестера, несколько ящиков с патронами (восемнадцать тысяч штук). Винтовки я завернул в войлок и на первое время сложил у палатки Шмидта. Патроны собрал в одну кучу, и только потом, с моего разрешения, часть ящиков была использована для поддержки палаток, ибо колышки, которыми укреплялись палатки, не держались во льду.

До поздней ночи мы воздвигали из ящиков с продовольствием склад, произвели предварительный учет теплой одежды и спальных мешков и приступили к их раздаче. Женщины были обеспечены одеждой и мешками еще раньше. Мужчинам выдали по малице и по одному спальному мешку на двоих. Позднее, когда выяснилось, что мешков хватает, мы выдали каждому отдельный мешок.

Перекличка в лагере 13 февраля. (Рисунок сделан в лагере.)

Между наспех разбитыми палатками в темноте двигались фигуры челюскинцев в меховых малицах.

Только в первом часу ночи все были удовлетворены теплой одеждой и мешками и размещены по палаткам. Тогда и наша «троица» — Гуревич, Канцын и я — решила устраиваться на ночь.

Прежде всего нужно было сбросить с себя мокрое белье, от которого стыло тело. Мы разместились под защитой ящиков, через щели которых дул холодный ветер и сыпал снежок. Приготовили по паре белья, и по команде каждый по очереди, предварительно расстегнувшись, быстро сбрасывал все мокрое, которое тут же замерзало, и напяливал на себя холодное, но сухое белье. Немедленно после этого залезли в спальные мешки и, с полчаса стуча зубами, согревались собственным теплом.

Эту ночь спать почти не пришлось. Было холодно, ветер пронизывал наше убежище. Разговаривали, думали, вспоминали события дня.

Не спал и Эрнест Кренкель, налаживавший радиосвязь с материком.

Из буера Паршинского сделали антенну. У палатки Кренкеля водрузили мачту.

Приемник включен, исправлен и работает. Первое, что Кренкель услышал по радио, был... американский веселый фокстрот.

Тихо выругавшись, он повернул ручку приемника. Эрнест расслышал, как Уэллен спрашивал у мыса Северного: «Не обнаружил ли ты сигналов «Челюскина»?»

Эрнест начинает звать береговые станции: Уэллен и мыс Северный. Передатчик работает исправно, но в течение нескольких часов связь с материком не удастся наладить. В темноте, на морозе была сделана чересчур короткая антенна.

Кренкелю оставалось лишь подслушивать разговоры, которые вели между собой береговые станции. Уэлленская радистка, комсомолка Люда Шрадер, передавала радио-

станции мыса Северного: «Готовим спасательную экспедицию на собаках».

Они узнали о том, что «Челюскин» утонул, из радиogramм, которые передавал Эрнест по приказанию Шмидта во время нашей выгрузки на лед.

На следующий день антенна была удлинена, и Уэллен услышал лагерь Шмидта.

Отто Юльевич продиктовал радиogramму № 1:

«14 февраля, 4 часа 24 минуты московского. Аварийная, правительственная. Москва, Совнарком Куйбышеву. Копия — Главсевморпуть Иоффе.

13 февраля в 13 часов 30 минут «Челюскин» затонул, раздавленный сжатием льдов...»

14 февраля рано утром жители лагеря выползли из своих палаток. Большинство из нас пошло к месту гибели «Челюскина», где всплывали доски, бревна, бочки. Мы с Гуревичем и Канцыном занялись учетом продуктов. Кренкель засел за свою долгую вахту в радиопалатке.

Из майны на месте гибели «Челюскина» нужно было срочно вытащить все то, что всплывало: бочки с топливом, шлюпки, боты и, самое главное, лес. Он всплыл благодаря тому, что вахтенные матросы перерубили канаты, которыми лес был связан на носу. Из этого леса надо было строить лагерь.

Очень тяжело было работать между глыбами льда—лед был слабый, часто проваливались. Промокали валенки, стыли ноги. Лес и бочки, которые мы вытаскивали из майны, были мокрые. Брезентовые рукавицы тоже быстро промокали и морозили руки.

Повара немедленно взялись за приготовление горячей пищи. Кухня была устроена прямо на льду; на трех веслах подвесили большой котел и из спасенных консервов и сухих овощей стали готовить суп.

Лагерь наминал муравейник. Работали все. Ветер стал стихать, и лагерь уже не представлял такой мрачной картины, как вчера вечером.

На месте гибели «Челюскина». (Набросок рисунка сделан в лагере.)

У палаток поднимали своды, их делали повыше, попроторней. Ледяные полы стали накрывать фанерными листами, одеялами, спальными мешками.

Вечером 14 февраля Шмидт сделал нам информацию; он сообщил об установлении связи с материком и о тех мероприятиях, которые принимаются правительством и партией для нашего спасения, в частности об образовании правительственной комиссии во главе с товарищем Куйбышевым. Он отметил дисциплину, порядок и самоотверженную работу по выгрузке и выразил уверенность, что и в дальнейшем не менее самоотверженно и дисциплинированно все будут работать над устройством лагеря. Он же сказал об одной проблеме, стоящей перед нами: о поисках места и устройстве аэродромов для принятия самолетов, которые, безусловно, явятся основным средством нашего спасения.

После информации Шмидта ему был задан ряд вопросов.

Некоторые из них касались возможности добраться пешком до берега, не дожидаясь помощи извне. Выслушав всех, Отто Юльевич твердо заявил:

— О пешем походе разговоров быть не может. Вы знаете, что с нами женщины, дети, больные и слабые и что без собак и легких чукотских нарт этот пеший поход при трудностях перехода по ропакам Чукотского моря может окончиться только трагедией. Всем не добраться, а коллективу разделиться я не позволю. Поэтому о пешем походе разговоров быть не может.

Большинство из нас понимало, что только небольшая группа людей—крепких и выносливых—могла бы добраться до берега. Но для этого надо обречь на гибель детей, женщин и слабых товарищей.

Летчик Бабушкин договорился со Шмидтом об организации со следующего же дня поисков площадок для аэродрома.

В числе искавших площадку, подходящую для устрой-

Зимовка. Упражнения в стрельбе.

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ

Витя Гуревич.

ства аэродрома, были Гуревич и Валавин. Они отправились следующим же утром на разведку.

К вечеру пришел ко мне Бабушкин и сказал, что Гуревич и Валавин не вернулись. Наступила темнота. Мы забеспокоились. Бабушкин говорит:

— Я пойду им навстречу, а ты организуй здесь сигналы и поиски, если надо будет.

Я побежал к Шмидту, сказал ему о том, что Гуревича и Валавина нет, попросил разрешения начать стрельбу и разложить костер. Шмидт разрешил. Вахтенному по лагерю (с первого же дня была установлена круглосуточная вахта в лагере) я выдал винтовку и две пачки патронов и поручил через каждые пять минут делать по пять выстрелов вверх.

Ткач, Сенцов, Кожин, Мартисов и Бармин схватили бочку с нефтью и стащили ее на высокий ропак на полкилометра в сторону, чтобы зажечь. Недалеко от лагеря мы стали жечь тряпки, обмоченные в керосине.

Стемнело. Бабушкин вернулся, никого не найдя. На ропаке ярко горел громадный костер. Верхушки торосов окрашивались в красный и желтый цвета. В лагере говорили шопотом, чтобы не нарушить тишину льдов, в надежде услышать либо крики, либо выстрелы—перед уходом Витя взял у меня наган.

Часа полтора весь лагерь в напряженном состоянии ожидал ребят. Всем было понятно, что если они не попадут в лагерь, то могут замерзнуть. Ушли они легко одетые, на лыжах, не взяв с собою продуктов.

Вдруг раздались крики:

— Идут!

Вдали между ропаками показались две темные фигуры, временами освещаемые вспышками костра. Они медленно приближались к лагерю. Человек двенадцать побежало им навстречу. Окруженные толпой, Витя Гуревич и Жора Валавин добрались до лагеря.

— Где вы были?—спрашиваем.

— Заплутались. Стемнело, не могли найти своих следов.

— А как аэродром?

— Нашли приличную площадку, нужно только чистить.

Они немедленно пошли в палатку к Шмидту с докладом, а я стал готовить чай и теплую пищу.

Вскоре мы уже сидели в палатке около жарко натопленного камелька. Жора выпивал чашку за чашкой горя-

чего чая, между глотками вставляя свои реплики в оживленный рассказ Вити об их приключениях и переживаниях.

Гуревич рассказывал о той радости, которую они испытали, увидев костер. Чувство страха и одиночества, оторванности от коллектива, чувство близости смерти, когда они, усталые и мокрые, проваливались между ропаками в глубокий снег, брели наугад,—моментально исчезло, как только они увидели огонь, услышали выстрелы и поняли, что они спасены. Они почувствовали, что коллектив ледяного лагеря с ними, помнит о них и принимает все меры к их спасению.

Вечером пришел Бабушкин и сообщил, что решено в срочном порядке подготовить найденный аэродром. Так как он находится в пяти километрах от лагеря, необходимо там построить палатку и поселить двух-трех человек, которые там проводили бы день, возвращаясь ночевать в лагерь. Я, Гуревич и Валавин предложили поселиться на аэродроме совсем, с тем чтобы наблюдать за аэродромом, руководить там работами и держать связь с лагерем. Бабушкин согласился как с нашим предложением, так и с нашими кандидатурами. Он обещал договориться со Шмидтом.

На следующий день Валавин, Гуревич, Валя Паршинский, я и геолог Рыцк, взвалив на плечи парусиновую палатку, колья и флажки, двинулись на аэродром по следам Бабушкина, ушедшего вперед на лыжах. Часа через два мы добрались до аэродрома. Быстро поставив палатку и выслушав распоряжение Бабушкина о размерах, направлении аэродрома и тех работах, которые там нужно провести, мы вернулись обратно, с тем чтобы завтра, забрав с собой теплую одежду, мешки и пищу, уйти совсем на аэродром и там поселиться. Так мы и сделали.

Нас было трое, и мы устроились в одной палатке.

Постепенно весь лагерь благоустраивался и принимал жилой вид. Палатки. Радиостанция. Продуктовый склад. Кухня. Начали строить барак. Целый поселок!

К спальным мешкам, к холоду, к малицам, к мытью лица снегом и талой водой, к чаю из льда, к мороженым галетам стали привыкать.

Команда и состав экспедиции были разбиты на три бригады. Строители выполняли строительные работы по лагерю; члены экспедиции и работники, направлявшиеся на остров Врангеля, доставляли им строительные материалы, а бригада из палубной и машинной команды судна вытаскивала из майны бочки с жидким топливом. Быстро сколотили барак, который имел в длину пятнадцать метров и в ширину шесть метров. Кровлю устроили из досок, укрепленных на балках. В бараке было две двери. Для женщин и детей настелили пол из брусков. Одновременно со строительством барака, небольшая группа челюскинцев занималась благоустройством палаток.

Уже на второй день после гибели корабля образова-

Сколачивается барак. (Рисунок сделан в лагере.)

лась «ширпотребовская» бригада из трех машинистов — Кости Мартисова, комсомольца Степы Фетина и Васи Бармина, молодого, но уже закаленного полярника, участника похода «Сибирякова». Помогал этой бригаде Вася Громов.

Бригада нашла молоток и коловорот, раздобыла у женщин швейные ножницы, достала кусок стали и быстро превратила его в зубило. Они разобрали одну из наиболее пострадавших шлюпок, вынули медные бачки, распластали их и получили несколько листов красной меди. Бригада взялась изготовить дымовые трубы для печей барака, кухни и для камельков в палатках. Вася Бармин — крепкий парень, швейными ножницами умудрился резать красную медь. Васька Громов кузнечил и орудовал зубилом. Жестяные работы выполнял Мартисов — бригадир.

Из железной беизиновой бочки они сделали печь для барака. В бочке внизу вырубили отверстие и приделали дверцы. На дно набросали глину, чтобы лед под бочкой не таял. В верхнем днище прорубили круглую дыру и вставили трубу.

Топить печи дровами было невыгодно, так как лес надо было сохранять для благоустройства наших жилищ, тем более что предполагалось строить второй барак. Бригада узнала, что в моторе одного из вельботов еще на «Челюскине» было разобрано магнето и что поэтому мотор работать не может. Решено было мотор использовать для наших «ширпотребовских» нужд. Баки от мотора укрепили к потолку барака, наполнили их нефтью, разрезали медную трубку, пристроили один конец к кранiku в бак, а второй ввели в печку, и нефть из бака потекла в печь.

Печь на нефти в ледяном лагере!

В палатках было мало дневного света, а в некоторых его и вовсе не было. Ламп и фонарей не хватало. Среди всплывших на месте гибели корабля ящиков оказалось два ящика с бутылками. Из бутылок бригада построила

керосиновые светильники. Оконного стекла в лагере не было, и его решили заменить бутылками. Вырезали в палатках дырки и туда вставляли бутылки, а также стекла фотонегативов. В палатки стал проникать свет.

Затем взялись за постройку кухни-камбуза. Треножник не мог удовлетворить все население лагеря. Построили крытое помещение, в котором установили котел для варки пищи, водогрейку и даже умывальник. Печь устроили опять-таки из железной бочки. Рядом с ней поставили вторую печку, в которой грели воду. Этот камбуз прозвали «венетцианским», потому что впоследствии под самым камбузом прошла трещина и часть его висела над водой.

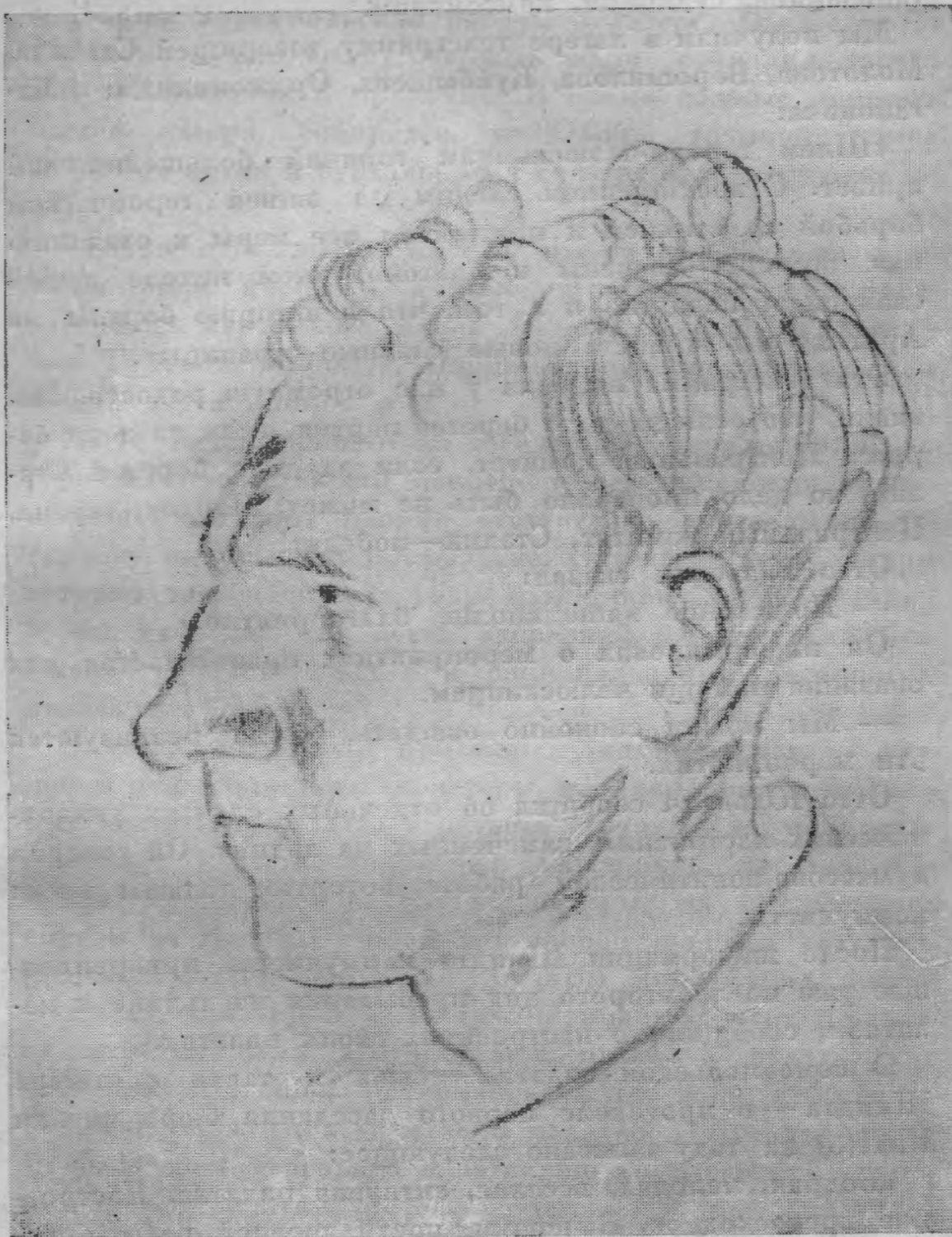
Затем «ширпотребовская» бригада занялась изготовлением разной посуды — сковородок, ложек и другой бытовой утвари. В этом ей помогали все, кто мог.

XI. «НЕ СДАДИМСЯ!»

Коммунисты и комсомольцы на корабле были всегда и во всем впереди. На них опиралось руководство экспедиции при решении самых трудных задач. Они были тем цементом, который скреплял наш коллектив. На льдине, где еще раз проверялись силы коллектива, роль коммунистов и комсомольцев особенно возрастала.

В первые же дни нашего пребывания на льду собралось бюро партийной ячейки. На повестке дня стоял один вопрос — сообщение Отто Юльевича Шмидта. Отто Юльевич с большой гордостью отметил величайшую организованность, дисциплинированность, выдержку и мужество, проявленные всем коллективом челюскинцев во время катастрофы. Очень разнообразный по своему составу коллектив показал себя сплоченным и единым в ответственный момент экспедиции. Отто Юльевич подчеркивал, что эти блестящие качества коллектива в целом — результат семимесячной политической работы,

Секретарь партийной организации челюскинцев Владимир Задоров.

планомерно проводимой во время похода партийной организацией, судкомом, комсомолом.

Мы получили в лагере телеграмму товарищей Сталина, Молотова, Ворошилова, Куйбышева, Орджоникидзе и Кагановича:

«Шлем героям-челюскинцам горячий большевистский привет. С восхищением следим за вашей героической борьбой со стихией и принимаем все меры к оказанию вам помощи. Уверены в благополучном исходе вашей славной экспедиции и в том, что в историю борьбы за Арктику вы впишете новые славные страницы».

Эта телеграмма вызвала у нас огромную радость. Мы знали, что если за дело берется партия, если за дело берется Центральный комитет, если за дело берется Сталин, то дело проиграно быть не может. Партия, страна, Центральный комитет, Сталин—победят!

Отто Юльевич сказал:

— Положение наше вполне благоприятно.

Он информировал о мероприятиях правительства для оказания помощи челюскинцам.

— Мы можем спокойно ожидать, когда реализуются эти мероприятия.

Отто Юльевич сообщил об отдельных случаях упадочнических настроений, замеченных на льдине. Он говорил о массово-политической работе, которую должны вести коммунисты.

После информации Шмидта коммунисты, прикрепленные уже после второго дня пребывания на льдине к палаткам, сообщили о настроениях своих палаток.

О комсомольской палатке — была и такая в лагере Шмидта — в протоколе первого заседания бюро ячейки ВКП(б) на льду записано следующее:

«Бодрая, молодая, веселая, активная палатка. Настроение превосходное. Вечерами, после дневной работы, палатка хором распекает челюскинские песни».

Это — лучшая оценка нашим комсомольцам.

Так же как формы партийной, должны были измениться и формы комсомольской работы в лагере. Мы не могли (да и не нужно было) созывать общие собрания, заседания с докладами и прениями. В самые важные моменты жизни лагеря собирался небольшой группой комсомольский актив и буквально на ходу решал, что нужно делать.

Только однажды состоялось что-то похожее на заседание бюро ячейки с активом. Это было вскоре после заседания партийного бюро. Присутствовали на заседании Гуревич, Миرونюв, Паршинский, Решетников, Ткач, Фетин, Вася Громов и я.

Мы с Витей пришли на заседание с аэродрома. В лагере мы прежде всего осмотрели все изменения, происшедшие за время нашего отсутствия, побывали по нескольку минут в каждой палатке. Нас везде тепло и приветливо встречали, как «аэродромщиков».

Мы увидели, что наша «деревня» благоустраивается. Волна изобретательства и рационализации распространялась все шире.

Палатки получили прозвища: «комиссарская» — жившие в ней машинисты, кочегары, матросы ходили в кожаных костюмах; палатка «третьего стола», в которой жил геодезист Гаккель, гидрограф Хмызников, писатель Семенов, Решетников и другие, которые на «Челюскине» сидели за третьим столом в столовой; палатка «летняя», где жил летчик Бабушкин; палатка молодежная, комсомольская, в которой жила группа молодых ребят; палатка матросов; палатка строителей; «штабная» палатка, где жил Отто Юльевич; «штурманская», где жили штурманы. Радио помещалось в «штабной» палатке. У Шмидта сначала была своя маленькая палатка, но впоследствии он переехал в палатку, где было радио.

При осмотре палаток нам больше всего понравилась «комиссарская», которую потом прозвали «ледяным дворцом».

В этой палатке был устроен фанерный пол, стены обиты одеялами, камелек топили нефтью. В качестве цистерны для нефти была использована клизменная кружка, которую доктор выбросил на лед. Позднее эту палатку обшили тесом. Из трюмовых покрышек устроили пол, возвышение для ночлега и нары. Палатку высоко подняли, так что в ней можно было стоять во весь рост и поднимать руки. Еще позже построили стол. Главная трудность состояла в том, что его негде было поставить. Тогда его подвесили к потолку и после обеда поднимали вверх. «Дворец» имел хорошие двери, широкие окна. Из консервных банок устроили многофитильные светильники, а потом сделали бензиновую лампу.

В палатке строителей были устроены двухэтажные нары.

Матросская палатка была наиболее просторной, с прекрасными дверями и большими окнами. В ней было мно-

В палатке лагеря Шмидта. (Рисунок сделан в лагере.)

го света, можно было читать, писать. Над палаткой был водружен флюгер, в виде самолета с вертящимся пропеллером. В этой палатке жили комсомольцы Геша Баранов, Сенцов и Ткач, которые проявили себя здесь как опытные кулинары. Они пекли блины и даже жарили котлеты.

Каждая палатка имела свои особенности, свои достопримечательности. Но самая шумная, веселая палатка была молодежная, в которой жили Фетин, Громов, Паршинский, кочегар Юзик Малаховский, повар Агапитов, дневальный Лепихин и Боря Кукушкин. В этой палатке большую часть свободного времени проводили все комсомольцы. Эту палатку ребята прозвали «бич-бар» (бар для «бичей» — молодых, беспечных моряков, веселых и жизнерадостных, шатающихся по портам и пароходам). На внешней стенке палатки ребята приколотили даже вывеску с надписью: «Бич-бар». На вывеске был нарисован белый медведь с кружкой пенящегося пива в лапе. Под вывеской висел спасательный круг «Челюскина».

Вечером в этой палатке вечно стоял веселый гомон, смех, шутки, разговоры, песни. Устраивались вечера «травли» — так мы называли вечера воспоминаний, на которых не воспрещалось прикрасить события и приключения. Пелись наши любимые песни — «В далекой гавани», «Медвежата». «Медвежата» уже имели новый, «ледовый» вариант:

Сто четыре медвежат
Высадились на льду,
И ждут они — когда
Их вывезут со льда...

Мы шли из палатки в палатку, и везде нам рассказывали о буднях лагеря. Здесь устанавливалась трудовая жизнь и сложился свой распорядок. В определенные часы получали пищу. Дежурный по лагерю утром поднимал всех. После завтрака шли на работу — кто на аэродром, кто готовить пищу, кто занимался благоустройством

лагеря. Дневальные по палаткам оставались для уборки, подготовки к обеду, мытья посуды и топки камелька. Дневальные же получали горячую пищу и паек из склада для всей палатки.

Миша Ткач, стоявший на вахте, встретил нас и предупредил, что минут через тридцать он сменяется и просит собраться пока в молодежной палатке. По дороге встретили Сашу Миронова и пошли вместе.

У входа в палатку Степа Фетин и Вася Громов плотничали: они изготавливали новую дверь.

Войдя со света в темную палатку, мы стали наступать кому-то на ноги и спотыкаться, но нас дружно подхватили под руки и толкнули куда-то в угол на мягкие спальные мешки. Только через несколько минут, когда глаза привыкли к темноте, я разглядел сидящего против меня Федю Решетникова; он умудрялся и в темноте делать наброски рисунков, пристроив на коленях свою папку.

Саша Миронов сидел в своем кожаном одеянии, — житель «комиссарской» палатки. Миша Ткач вернулся с вахты с отмерзшим курносым носом и отогревался. Валя Паршинский, развалившись в дальнем углу, пыхтел своей неразлучной трубкой, приветливо улыбаясь и подмигивая нам.

Вася Громов бросил работу над дверью, подсел к Вите Гуревичу и стал издеваться над его рыжей бородой, требуя, чтобы он ее сбрил. Гуревич отговаривался, что рыжий цвет его бороды служит источником света в нашей довольно темной аэродромной палатке.

Смеялись, остряли, шутили. Ждали Задорова. Пришел Кукушкин и сказал, что Задоров не может сейчас притти и просил побеседовать без него. Миша Ткач успокоил всех и предложил начать бюро.

Тут встал Гуревич и, как парторг, передал нам свой разговор с Задоровым и Бобровым о задачах комсомольцев.

— Работать по-боевому, применяясь ежечасно и еже-

Заседание бюро комсомольской ячейки.

минутно к каждому новому обстоятельству. Не терять время на собрания и заседания. Поддерживать партийную организацию во всех ее начинаниях. Комсомольцы, как физически наиболее здоровая и жизнерадостная часть экспедиции, должны вносить оживление в весь лагерь.

С Виктором все согласились.

— Нужно быть комсомольцами и на льдине! — восклицали Ткач и Миронов. — Задачи, поставленные перед коллективом Отто Юльевичем, — авралы, распределение дня — должны выполняться аккуратно и точно. Каждый комсомолец должен вставать во-время, не опаздывать на работу, показывая пример остальным. Мы должны быть примерными не только в работе, но и в поведении.

Громов, как всегда, говорил коротко и ясно. Он отметил, что во время вытаскивания всплывших вещей на месте гибели корабля и при строительстве палаток в лагере не все комсомольцы работали так прилежно, как надо. Он призывал работать на «отлично».

Паршинский с места только подтверждал: «Верно. Правильно. Поддерживаю».

Я тоже говорил. Говорил об аэродромных работах. Аэродром расположен далеко, туда трудно ходить, еще труднее работать. Но спасение должно прийти через аэродромы. Поэтому нужно каждую минуту, каждый момент использовать для производительной работы. Комсомольцы должны вести на аэродром всех остальных.

Наше собрание постановило: быть примером во всем. Тех, кто будет вести себя недостойно, привлекать к ответу. Секретарь и члены бюро должны принимать решительные меры против лодырей и дезорганизаторов.

Но решительные меры принимать не пришлось. Комсомольцы во всей жизни лагеря принимали самое активное, боевое участие. Они шли на работу дружно, с песнями и с шутками, заражая бодростью других товарищей.

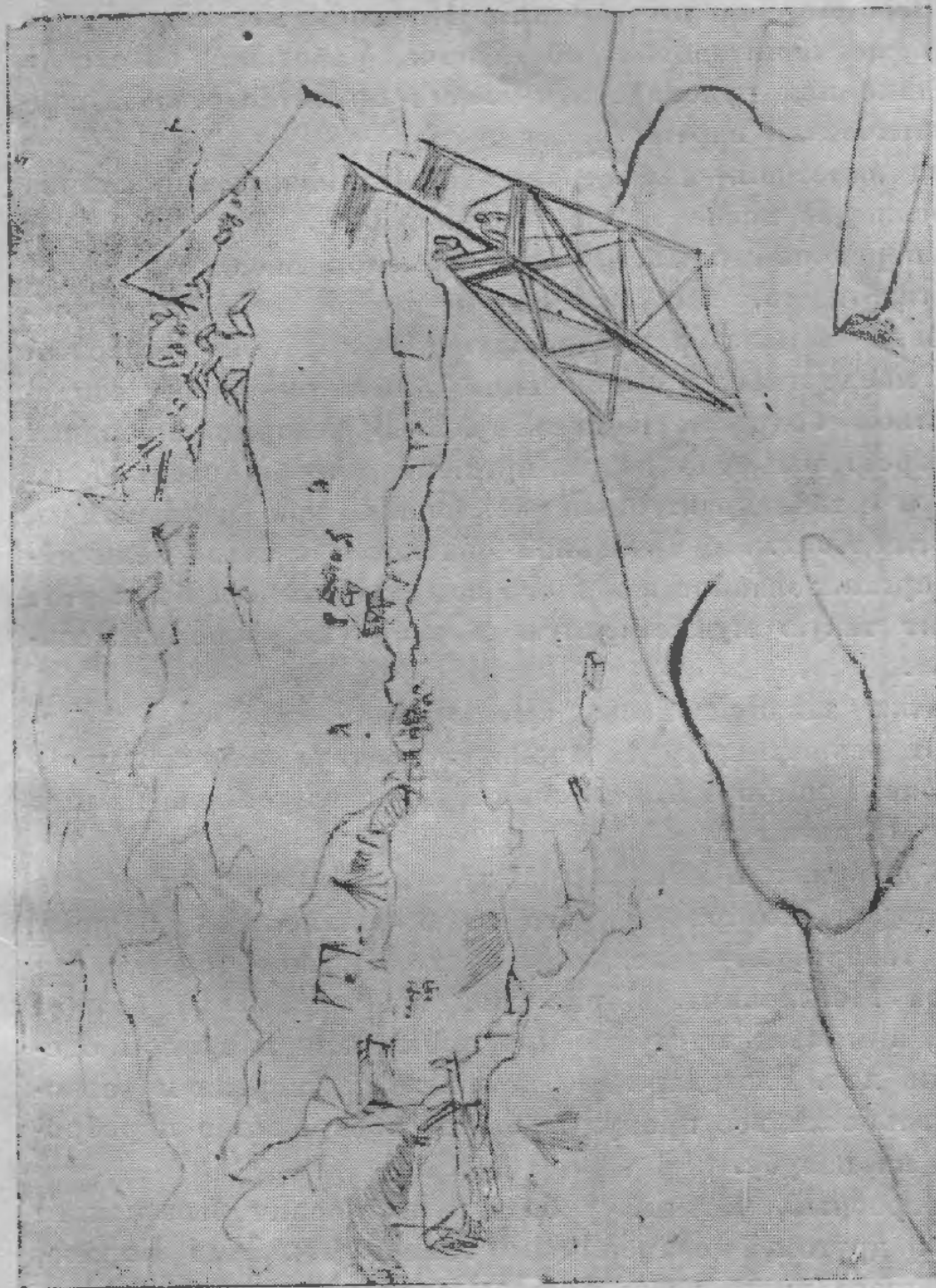
Боевой дух лагеря выразила вышедшая на льду стенная газета. Газету называли «Не сдадимся!» Это был голос всего нашего коллектива. Адрес редакции—в заголовке: «Чукотское море, дрейфующий лед». В заголовке же было сказано: «Орган ячейки ВКП(б), судкома и ВЛКСМ».

На самом видном месте в первом номере газеты была напечатана заметка Отто Юльевича, которая называлась «На льду».

«Мы на льду,—писал Отто Юльевич,—но и здесь мы—граждане великого Советского союза. Мы и здесь будем высоко держать знамя Республики советов, а наше государство о нас позаботится: мы можем быть уверены, что наше спасение будет организовано с большевистской энергией и быстро и успешно завершено.

Весь коллектив челюскинцев показал во время ката-

Лагерь Шмидта. (Зарисовка сделана в лагере.)

строфы исключительную выдержку, дисциплину и организованность. Так же мы будем жить и работать и дальше. Весь мир следит за нами. Покажем же, как даже в такой исключительной обстановке работают советские граждане под руководством своего правительства и коммунистической партии».

Под заметкой—иллюстрация Решетникова: переключка челюскинцев после гибели «Челюскина».

В передовой статье Сергей Семенов писал:

«Эта газета, выпускаемая в такой необычной обстановке—в палатке на дрейфующем льду, на четвертый день после гибели «Челюскина», является ярким свидетельством бодрости нашего духа. В истории полярных катастроф мы мало знаем примеров, чтобы столь большой и разнохарактерный коллектив, как челюскинцы, встретил момент смертельной опасности с такой величайшей организованностью, а его вожди проявили бы в этот момент такую мужественную и твердую распорядительность».

Статья заканчивалась: «Челюскина» нет. Да здравствуют челюскинцы! Да здравствует дело челюскинцев!»

Борис Громов написал заметку, посвященную памяти Бори Могилевича.

«13 февраля, в момент гибели «Челюскина», коллектив экспедиции потерял одного из преданнейших общему делу товарищей—заведующего хозяйством экспедиции Бориса Могилевича. Борис Могилевич умер на боевом посту, в момент выгрузки продовольствия и теплой одежды на лед. Благодаря его неутомимой энергии и распорядительности все продукты были своевременно переброшены на палубу.

Прекрасный, честный работник Могилевич был нашим общим другом, незаменимым товарищем. Имя Бориса, как общего друга всего состава экспедиции, будет жить в наших сердцах. Его трагическая гибель, достойная героя, пусть будет примером для всех челюскинцев, при-

Угольный аврал.

званных партией и правительством выполнить ответственнейшее задание по освоению Северного морского пути».

Заметка сопровождалась портретом Могилевича.

В стенгазете были напечатаны дружеские шаржи Решетникова. На одном изображалось, как белый медведь, морж и нерпа требуют у Отто Юльевича вид на жительство. Другой шарж изображал Кренкеля, поддерживающего связь с материком из маленькой палатки, откуда торчали с одной стороны головы с наушниками, а с другой—ноги. Третий шарж—«Отто Юльевич Шмидт в своей палатке»: из крошечной палатки выглядывает огромная голова Отто Юльевича с длинной бородой, вмерзшей в лед.

Затем следовали три зарисовки: «На камбузе»—люди в малицах с посудой стоят в очереди за пищей; «В палатке за трапезой»—изображен обед; затем рисунок «На смену хижинам мы строим дворцы»—рядом с полуобвалившейся палаткой стоит барак, на котором развешается красное знамя.

Федя Решетников сумел на льдине прекрасно оформить газету. Он каждый день обходил все палатки в лагере, знакомился с бытом товарищей и наиболее характерные моменты зарисовывал в блокнот. Самое интересное давал в газету.

С корабля Федя никаких принадлежностей для рисования не спас. Отто Юльевич дал ему рулончик бумаги, красок не было. У товарищей нашлись карандаши, в том числе цветные—красный, зеленый, желтый, синий.

В палатке, где жил Федя, помещалось восемь человек, было тесно. Фонарь «летучая мышь» тускло освещал палатку.

— Оформить стенгазету было очень трудно,—рассказывает Решетников.—Приходилось уступать свое место листу бумаги. На том месте, где я сидел, я раскладывал стенгазету, а сам становился на корточки перед ней и, пользуясь лучом света, начинал клеить и зарисовывать.

Клей мы делали из муки, причем клеил я не всю газету сразу, а по кусочкам. Наклею один кусочек, затем складываю лист, переворачиваю его и клею дальше, ибо разложить стенгазету целиком было негде.

Первый номер стенгазеты «Не сдадимся!» звал нас к выдержанности, спокойствию и труду. Приспособиться к новым условиям! Работать и жить в новой обстановке!

Вскоре мы убедились, какие неожиданные задачи могут перед нами возникать на льдине, задачи, которые на материке, в обычных условиях, невозможны и, может быть, даже смешны.

Так было, например, с питанием.

Ежедневно на каждую палатку дневальный получал порцию галет, папирос, чая, сахара, масла и других продуктов.

Два раза в день выдавалась горячая пища. В обед густой суп, а вечером либо каша, либо снова суп. Паяк у нас был ограниченный, потому что неизвестно было, сколько времени нам придется провести на льду.

Галеты надоели. Хотелось хлеба. В нем особенно нуждались больные товарищи. А в числе спасенных продуктов у нас было несколько мешков муки. Причем эту муку нужно было как можно скорей использовать: часть мешков была вытащена из майны на месте гибели «Челюскина», и на муке образовалась обмерзшая корка. Тогда было решено: муку использовать, изготовить из нее хлебцы, лапшу, лепешки.

Нужна была печь с духовкой. «Ширпотребовская» бригада сделала новую печь из железной бочки. Для каркасов духовки использовали полосовое железо с вельботов. Обыкновенным плотницким коловоротом ковыряли трехмиллиметровое железо. Из отрубаемых головок гвоздей сделали заклепки, чтобы приладить дно духовки. Затем духовку вставили в бочку через вырубленное отверстие и подвесили ее на толстой проволоке. Приделали дверцу

На «хлебозаводе». (Рисунок сделан в лагере.)

на шарнирах, на дно бочки насыпали мерзлой глины — и «хлебозавод» готов.

Когда печь была готова, начались разговоры о том, что в ней выпекать хлеб, делать лепешки или лапшу невозможно. Тогда Колесниченко, который в лагере нес обязанности «наркомтруда», решил бросить на выпечку лепешек и валяние лапши комсомольцев. Надо улучшить питание населения лагеря. Более почетной работы нет сейчас.

Трудно это сделать? Да, трудно. Но раз трудно — значит это должны сделать комсомольцы.

На «хлебозавод» были посланы Ермилов, Кукушкин, Морозов и Агапитов. Морозов сначала тоже уверял, что из этой затеи ничего не выйдет, не будет лепешек. Ему разъяснили, что лепешки и лапша должны быть, что на этом деле проверяется его комсомольское лицо, что валяние лапши — это сейчас политическая задача.

Морозов вместе с остальными ребятами дружно работал. Лагерь получил и лапшу и лепешки.

XII. СТРАНА ПОСЫЛАЕТ СПАСЕНИЕ

В лагере мы узнали о том, что правительство предпринимает энергичные меры к нашему спасению.

Образованная по инициативе товарища Сталина правительственная комиссия во главе с товарищем Куйбышевым заседала уже 14 февраля, то есть в день получения сообщения о гибели «Челюскина». Комиссия решила мобилизовать все средства Чукотского полуострова для помощи нам и создала чрезвычайную тройку на Чукотке под председательством начальника полярной станции на мысе Северном краснознаменца Петрова. На мысе Северном в это время был самолет «Н-4» с летчиком Кукановым. На полярной станции Уэллен стояли два самолета «АНТ-4» с летчиками Ляпидевским и Чернявским и «У-2» с летчиком Конкиным.

Самолеты Куканова и Конкина не годились для участия в летных операциях, и единственная надежда была на самолет Ляпидевского. Местные средства на Чукотке были недостаточны для оказания помощи челюскинцам. Тогда по предложению правительственной комиссии для полетов в лагерь Шмидта выделяется звено военных самолетов «Р-5» во главе с командиром отряда Н-ской части Особой краснознаменной Дальневосточной Красной армии, комсомольцем Николаем Каманиным. В состав звена Каманина включается старый, заслуженный полярный летчик Василий Сергеевич Молоков.

Одновременно правительственная комиссия решила перебросить в Америку, на Аляску, резервную группу—известных летчиков Сигизмунда Леваневского и Маврикия Слепнева и опытного полярника Георгия Алексеевича Ушакова в качестве уполномоченного правительственной комиссии.

Мы знали, что к нам идут самолеты, поэтому главной работой для всего населения лагеря Шмидта стали аэродромы. Первый найденный нами аэродром в несколько

дней был расчищен и приготовлен для приема самолетов. Но его быстро поломало, как ломало потом и создававшиеся нами новые аэродромы. Наша группа аэродромщиков наладила связь с лагерем с помощью флажков и ежедневно по утрам давала сигналы о состоянии аэродрома.

Лагерь с волнением ждал наших сообщений. Ляпидевский, который находился на Чукотке, мог каждый день прилететь в лагерь—как только позволит погода.

Отто Юльевич Шмидт огласил список—в каком порядке будет эвакуирован лагерь. Сперва дети и женщины, потом больные и слабые. Последним улетает Шмидт. Некоторые женщины протестовали против отправки их в первую очередь, тогда как есть больные мужчины. Но Отто Юльевич был непоколебим: дети и женщины должны первыми оставить ледяной лагерь.

Несколько раз из Уэллена сообщали о вылете к нам самолета Ляпидевского. И три раза женщины приходили и возвращались с аэродрома: Ляпидевский не прилетал. То капризничал мотор, то ухудшалась погода. А бывало и так, что мы давали радиogramму в Уэллен: к нам лететь невозможно, плохая погода.

Памятен день 24 февраля, когда мы получили сообщение, что оба мотора самолета Ляпидевского запущены и самолет вылетел. Я обежал последний раз аэродром. Чорт возьми! На нем оказались трещины! Обеспокоенный, я послал Витю Гуревича в лагерь с предупреждением, что аэродром ломает. В пути он встретил Бабушкина и вернулся с ним на аэродром.

Трещины расходились. Лед начал шевелиться. Недалеко от аэродрома быстро нарастала новая гряда торосов.

Вдруг у меня под ногами с шумом задвигался лед, и новая, свежая трещина прошла по аэродрому. Обе половины ледяного поля стали двигаться в противоположные стороны. В местах изломов лед стало торосить.

Минут через десять весь наш аэродром пересекала довольно высокая гряда торосистого льда.

К аэродрому приближались люди из лагеря. Они провожали женщин. Бабушкин побежал навстречу шедшему с группой челюскинцев Шмидту. Отто Юльевич распорядился убрать выложенный нами посадочный знак «Т». Я посмотрел в сторону лагеря: там, на ропаке, продолжают развеиваться два флага. Это сигнал о том, что самолет в воздухе.

Исследовав кусок льда, не поврежденный трещинами, я заявил Бабушкину, что если немедленно бросить всех людей на расчистку, то можно в короткий срок получить площадку длиной до четырехсот метров и шириной в сто метров и что надо попытаться принять самолет на эту площадку.

Все люди, находившиеся на аэродроме, были брошены на расчистку площадки. Вдоль все продолжавшейся тороситься гряды расставлены вахты, которые должны предупреждать флажками о дальнейшем разрушении аэродрома. У посадочного знака «Т» стоит Бабушкин, готовый изменить «Т» на крест, в случае, если аэродром будет окончательно сломан. Воронин, взобравшись на ропак, не отнимая от глаз бинокль, ощупывает горизонт, ожидая

Расчистка аэродрома. (Набросок рисунка сделан в лагере.)

появления черной точки самолета. Витя побежал по приказанию Шмидта в лагерь для передачи на материк радиограммы: если самолет Ляпидевского вернется в Уэллен, пусть к нам не вылетает.

В продолжение трех часов на аэродроме работали не покладая рук. У каждого инструмента — три человека. Когда они уставали, их сменяли другие. Лопаты, ломы и кирки ни одной секунды не отдыхали. Часть людей на руках оттаскивала в сторону отколотые куски льда.

Новый аэродром был уже почти готов, а самолета все нет.

День клонится к вечеру. Мы сильно обеспокоены. Из лагеря пришла новая группа людей с пищей для работающих. Последняя новость — Уэллен сообщает, что самолет давно вылетел и до сих пор еще не вернулся. Погода ясная.

Вскоре пришел из лагеря Гуревич. По его мрачному лицу я понял, что в лагере не все в порядке. Уклоняясь от вопросов, он незаметно отвел меня в сторону и сообщил, что в лагере «полундра», что посредине лагеря прошла большая трещина под самым камбузом и продовольственным складом и что весь оставшийся там народ мобилизован на спасение продовольствия. Трещина прошла недалеко от барака, и есть опасность, что может сломаться барак. Старый путь из лагеря на аэродром переломало, и местами появились настолько широкие трещины, что их приходится далеко обходить.

Мучительное ожидание самолета продолжалось еще несколько часов. Только к вечеру в лагере сняли оба флага, и мы поняли, что самолет вернулся в Уэллен, не найдя лагерь. Всей группой челюскинцы вместе со Шмидтом и Ворониным вернулись с аэродрома в лагерь.

На аэродроме попрежнему остались мы трое. За чаем Витя подробно рассказал о разрушениях в лагере.

На следующий день я решил сходить в лагерь за новостями и опять взять людей для расчистки аэродрома. В

лагере узнал, что Ляпидевский пролетал семь с половиной часов в воздухе и, не найдя лагеря, только в сумерки вернулся в Уэллен. При посадке он сломал шасси самолета. Срочно приводится в порядок второй самолет, на котором он собирается продолжать попытки добраться до лагеря. В нашем распоряжении для подготовки аэродрома два-три дня.

Пробыв часа два в лагере, я осмотрел барак, камбуз, который висел над широкой и еще не замерзшей трещиной, посидел с полчаса в «бич-баре» у ребят и, забрав мешок с продовольствием, пошел обратно.

Вернувшись на аэродром, невольно сравнивал нашу палатку с лагерьными. Последней пургой ее почти совершенно засыпало снегом. Она повисла, и, только сильно нагнувшись, можно было входить в нее. Дверей не было, и, чтобы войти в палатку, нужно было поднимать полотно. На ледяном полу наши постели мокли и сырели. В спальный мешок приходилось залезать во всем одеянии, снимая лишь валенки.

Но в первые дни мы жили здесь еще хуже. Наша палатка, не обложенная снегом, стояла на ровном льду. В потолке были две дыры, и ветер в палатке гулял не менее свободно, чем снаружи. В первую ночь у нас не было даже камелька, и мы грелись у примуса. Чтобы согреться, мы через каждые полчаса кипятили чай из льда, который откалывали прямо в палатке, не выходя наружу, потому что пурга и мороз были очень чувствительны.

Жора предложил зажечь в палатке бензин. Мы налили бензин в консервную банку, поставили на ледяной пол и подожгли. Запылало яркое пламя, в палатке стало теплее. Отогреваясь, мы уже начали блаженствовать, как вдруг заметили, что в палатке темнеет: наша «летучая мышь» светит все тусклее. Сначала мы подумали, что кончился бензин, но потом обнаружили, что копоть и дым заполнили палатку и от этого стало темно. Зады-

хаясь от копоти и дыма, я, не выдержав, выбросил наружу банку с бензином и откинул полог палатки. Свежим ветерком палатку быстро очистило от копоти.

Протерев глаза, мы взглянули друг на друга и... разразились гомерическим хохотом. Картина была потрясающая. Жора сидел против меня совершенно черный. Лицо его было покрыто толстым слоем копоти, белели только зубы. У меня, вероятно, вид был не лучше, так как Жора сумасшедше хохотал, показывая на меня пальцем.

Наутро мы очень обрадовались, когда с Мироновым, Васей Громовым, Паршинским и другими ребятами на аэродром прибыли нарты с необходимым оборудованием для организации топки, со свежими продуктами и мехами. Ребята помогли нам переставить палатку в более защищенное от ветра место, обложить ее снегом, поставить камелек.

...До 5 марта самолет не прилетал. Мы строили аэродромы. Их ломало. Строили новые. И так каждый день.

5 марта после утреннего чая мы играли в козла (домино), одолженного нам Бабушкиным. Я сидел ближе всех к выходу, поэтому часто выходил из палатки и смотрел на вышку, сооруженную в лагере: нет ли там сигналов о вылете самолета.

Наконец получил сигнал, что самолет готовится к отлету. Погода была прекрасная. От яркого солнца лед сверкал, искрился и слепил глаза. В самый разгар нашей борьбы с Виктором, которого, по договоренности с Жорой, мы все время обыгрывали в козла, мы вдруг услышали какой-то посторонний звук. Прислушались. Я бросился из палатки в тот момент, когда Витя крикнул: «Самолет!» Выбегая из палатки, я услышал далекое «ура».

Оглянувшись, я увидел на горизонте черную точку, приближавшуюся к аэродрому. Гуревич и Валавин быстро напяливали на себя меховые рубашки и шапки. Я влетел в палатку за шлемом и ремнем.

Через пять минут мы уже разостлали знак «Т». Витя зажигал костер, и мы с тревогой следили за большим самолетом Ляпидевского, который кружил над нами. Еще через минуту самолет пошел на посадку и, прицелившись на «Т», плавно приземлился. Пробежав не больше двухсот метров, он повернул и стал рулить к нам.

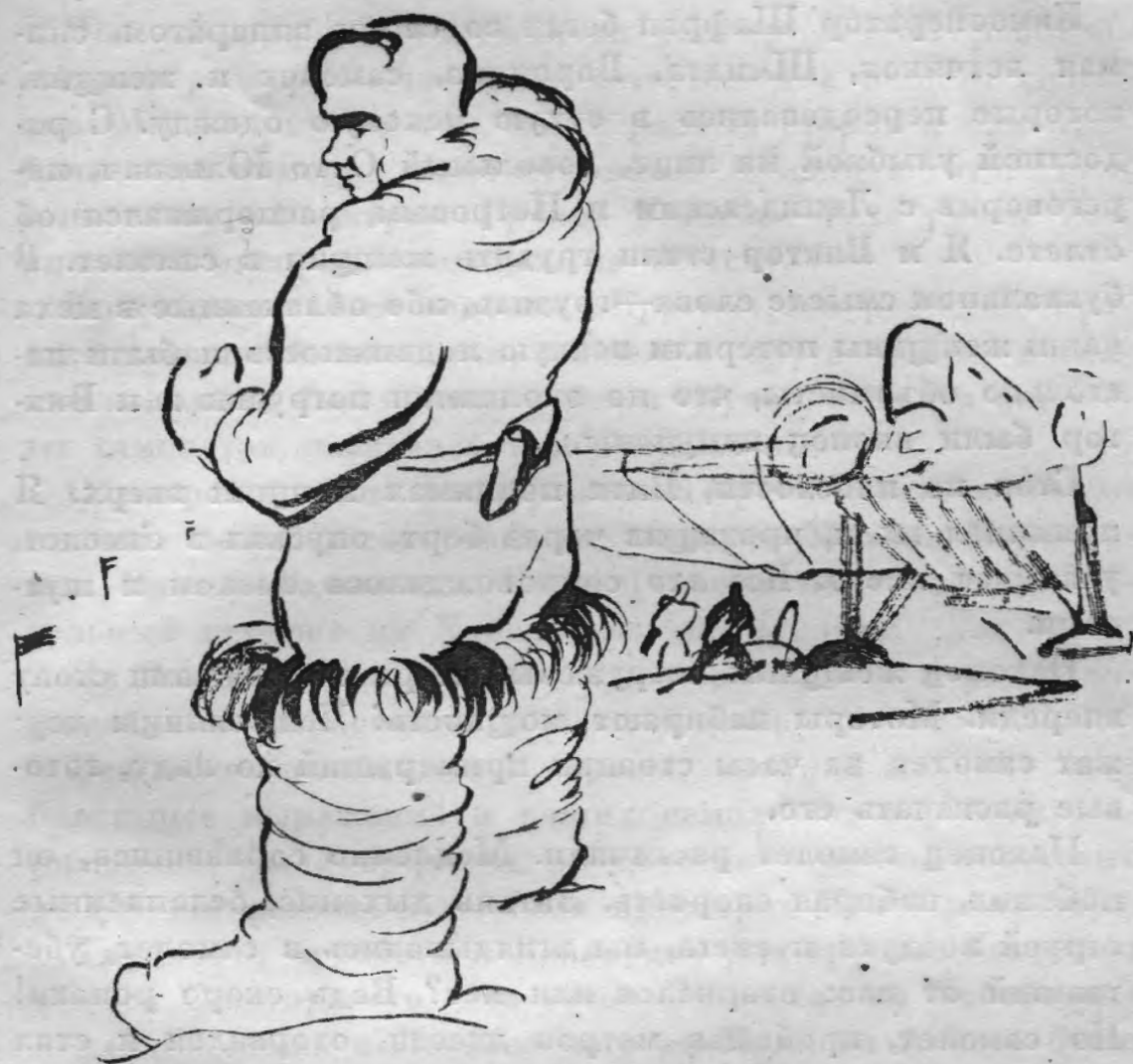
Валавин с флажками по всем правилам зарулил самолет в дальний угол аэродрома. Мы подбежали к машине, стали пожимать руки вылезшим летчикам — Толе Ляпидевскому, Конкину, Петрову и механику Руковскому.

Радости нашей не было конца. Посыпались взаимные расспросы. Мы повели «моржеподобных» дорогих гостей, которые еле шагали в своих меховых комбинезонах и сапогах, к нашей палатке. Посмеявшись над вывеской, прибитой к палатке, на которой значилось: «Аэропорт—173° западной долготы и 68° северной широты», и сняв свои меховые маски, они вошли в палатку. Мы стали их угощать какао, специально приготовленным для летчиков. Ляпидевский вынул из кармана три плитки шоколада и угостил нас.

Между тем «пассажиров» не было. Ляпидевский спросил, почему никого нет. Тогда Петров — летчик-наблюдатель — сказал, что он заметил между аэродромом и лагерем широкую трещину с чистой водой и что у этой трещины стояла группа людей. Вероятно, трещина мешает им добраться до аэродрома.

Так оно и было. Для того чтобы перебраться через трещину, пришлось из лагеря тащить ледянку — шлюпку. Больше часа мы ожидали лагерных и успели за это время о многом переговорить с летчиками.

Мы разгрузили самолет от привезенных аккумуляторов для нашей радиостанции, сняли две туши оленьего мяса, лопаты и ломы, привезенные по нашему заказу. Гости рассказывали о новостях на материке, удивлялись нашему бодрому, здоровому виду, нашей палатке и долго смеялись, когда в обмен на оленьи туши мы не в шутку

Анатолий Липидевский на ледяном аэродроме. (Рисунок сделан в лагере.)

предложили им свежей свинины. У нас на «Челюскине» были две живые свиньи. Во время гибели корабля их убили и стащили на лед. Благодаря экономному расходованию свежего мяса, у нас еще сохранились полторы туши, поэтому я имел основание предложить гостям свинину.

Наконец сперва поодиночке, а потом группами на аэродром приходят лагерники. Радостные и запыхавшиеся, они горячо здороваются с летчиками, осматривают самолет, любовно похлопывают его по металлическим бортам и плоскостям. Все жалели, что не могли быть на аэродроме во время посадки самолета.

Кинооператор Шафран бегал со своим аппаратом, снимая летчиков, Шмидта, Воронина, самолет и женщин, которые переодевались в сухую меховую одежду. С радостной улыбкой на лице, довольный Отто Юльевич, переговорив с Ляпидевским и Петровым, распоряжался об отлете. Я и Виктор стали грузить женщин в самолет. В буквальном смысле слова—грузить, ибо облаченные в меха наши женщины потеряли всякую подвижность и были настолько объемисты, что по окончании погрузки я и Виктор были вконец измучены.

Стоя на плоскости, Витя поднимал женщин вверх. Я принимал их и, протаскивая через борт, опускал в самолет, указывая место. Все это сопровождалось смехом и шутками.

Наконец женщины погружены. Жора с флажками стоит впереди. Моторы набирают мощность. Челюскинцы держат самолет, за часы стоянки примерзший ко льду, готовые раскатать его.

Наконец самолет раскатали. Медленно сорвавшись, он побежал, набирая скорость. Затаив дыхание, ослепленные струей воздуха и снега, мы вглядывались в самолет, убегающий от нас: оторвался или нет? Ведь скоро ропаки! Но самолет, пробежав метров двести, оторвался и стал набирать высоту. Сделав прощальный круг, Ляпидевский взял курс на юг и стал быстро удаляться.

Только тогда всеобщая радость вылилась в громкое «ура». А я, грешным делом, даже пустился в лезгинку, взметая клубы снега.

Так улетели первые пассажиры—женщины...

Суровая стихия как бы в отместку за удачный отлет женщин ночью сломала барак. Но она не могла сломить наш дух. Ляпидевский—первая ласточка с материка—еще более укрепил нашу веру в скорое спасение.

Анатолий Ляпидевский первый «прорубил окно» в лагерь Шмидта и показал всему миру, что для советских летчиков не существует непреодолимых преград!

Мы лихорадочно следили за той громадной работой, которая разворачивалась на материке для нашего спасения. Мы следили за тем, как с разных сторон к нам приближалась помощь. Самолеты звена Каманина готовились к перелету в Ванкарем. Группа Ушакова была уже в Америке и в экспрессе мчалась на Аляску.

Краснознаменный ледокол «Красин», по решению правительственной комиссии, вышел в кругосветное плавание и должен был притти к нам в случае, если бы перелеты самолетов оказались невозможными.

Одновременно, по распоряжению правительственной комиссии, выдающиеся советские летчики Михаил Водопьянов, Виктор Галышев и Иван Доронин начинают замечательный перелет из Хабаровска на Чукотку.

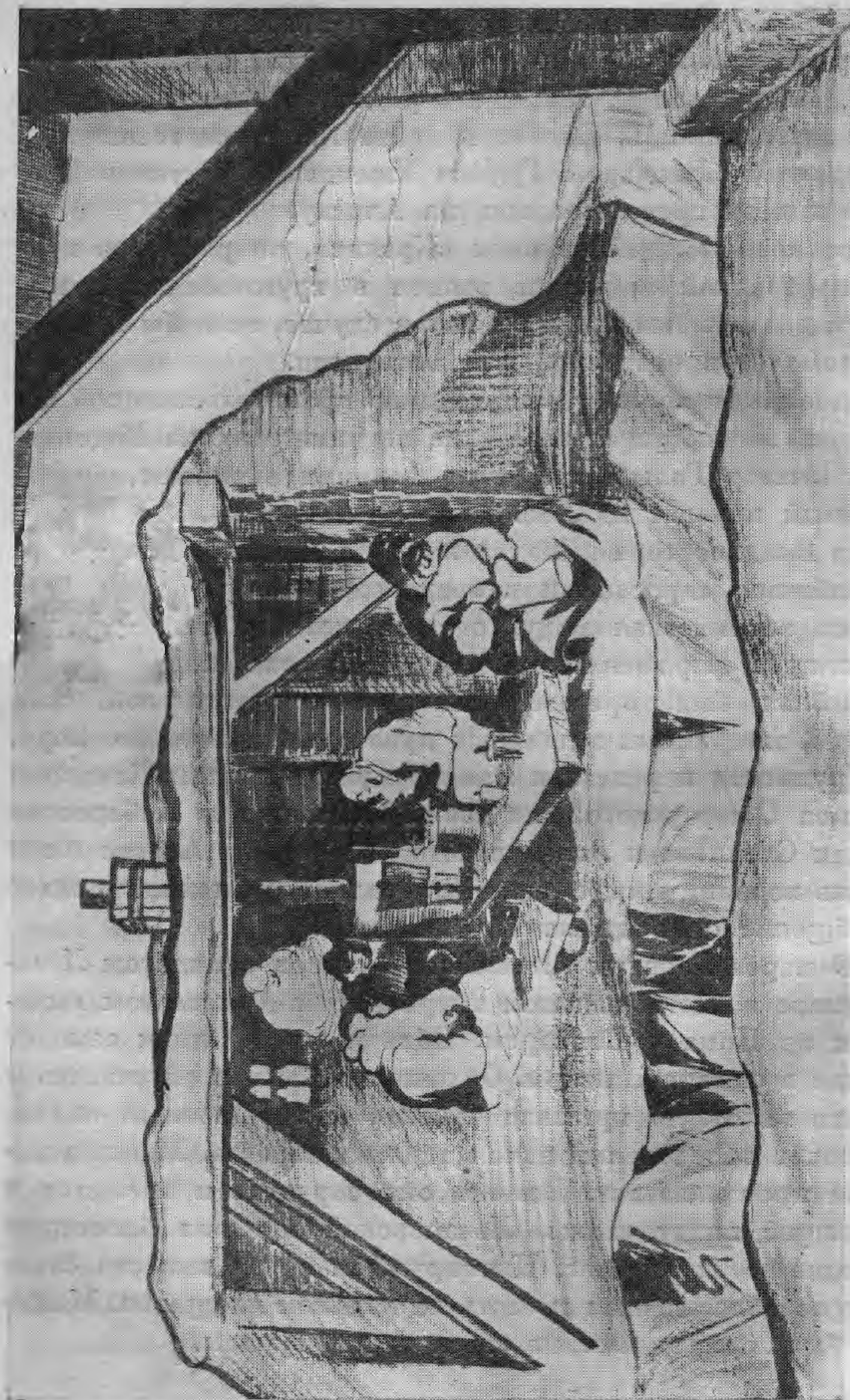
Из Владивостока выходит пароход «Совет» с двумя дирижаблями, аэросанями и вездеходами...

Вся техническая мощь страны, которая находит свое блестящее выражение в наших самолетах, кораблях, дирижаблях, была брошена на спасение группы советских людей, затерянных в ледяных просторах Чукотского моря.

Трудности перелета к Ванкарему для группы Каманина с мыса Олюторского, для звена Галышева из Хабаровска и для Слепнева и Леваневского из Нома на Аляске были очень велики, и мы с огромным волнением ловили каждое сообщение о продвижении самолетов.

29 марта Георгий Алексеевич Ушаков с пилотом Леваневским и его механиком американцем Армстедтом вылетели из Нома в Ванкарем. Вблизи мыса Онман самолет попал в снежный шторм. Облачность быстро опускалась и почти вплотную прижала самолет к торошенным льдам. Самолет обледенел и начал терять скорость. Машина начала проваливаться. Вот-вот она сорвется и врежется в лежащие внизу скалы. Леваневский проявил блестящее умение вести самолет. Планируя, он сумел вывести самолет из области скал и сесть на ледяной площадке. Машина была повреждена, но люди остались целы.

Барак разорвало. В уцелевшей половине. (Рисунок сделан в лагере.)

Водопьянов, Доронин и Галышев, пробираясь через пургу и метели, достигли Анадыря, но метели задержали их последний перелет до Ванкарема.

В районе залива Кресты те же метели задержали летчиков Каманина, Молокова и Пивенштейна.

Смелые люди неслись к нам на стальных крыльях...

Анатолий Ляпидевский... Молодой парень, седьмого года рождения... Мальчишкой он уже работал на промыслах, в кузнице, на маслобойке. В 1924 году вступает в ряды ленинского комсомола. В 1926 году начинает учиться в школе летчиков в Ленинграде. Потом школа морских летчиков в Севастополе. В 1929 году двадцатидвухлетний Ляпидевский получает звание командира Рабоче-крестьянского Красного флота. В 1933 году Ляпидевский демобилизуется из армии и становится летчиком в гражданской авиации. Дальний Восток, Сахалинская линия, потом Чукотка...

Сигизмунд Леваневский... Сын дворника, пятнадцатилетним мальчиком вступивший в ряды Красной гвардии. Командир батальона, потом помощник командира полка в Красной армии. Военная школа морских летчиков в Севастополе. Младший, а потом старший летчик в отдельном авиационном отряде. Начальник школы Осоавиахима в Николаеве, а затем начальник всеукраинской школы Осоавиахима в Полтаве. В 1933 году Леваневский совершил блестящий перелет на морском самолете из Севастополя в Хабаровск. Леваневский принимал участие в розысках известного американского летчика Маттерна, который потерпел аварию в районе Анадыря.

Маврикий Слепнев... Старый летчик, офицер во время империалистической войны, сын крестьянина, дерущийся на стороне красных в годы гражданской войны. Позднее инструктор высшей школы военной авиации в Москве. Потом — Средняя Азия, где Слепнев налетал четыреста двадцать пять тысяч километров. Полеты на линии Иркутск — Якутск, розыски погибшего американского

летчика Эйельсона, многочисленные смелые полеты...

Василий Сергеевич Молоков, которого мы прозвали дядей Васей... Милый, обаятельный человек... Старый, опытейший летчик — учитель Леваневского и Дорони́на. Он долгое время работал в Сибири и на севере, на линиях Нарым — Колпашево. Он летал на Енисее, на Лене, на Карском море. В восемь с половиной летных часов он совершил однодневный зимний перелет по новой воздушной трассе Красноярск — Игарка. Молокова знали многие жители лагеря Шмидта...

Коля Каманин... Самый молодой из летчиков, летящих к нам. 1909 года рождения... Сын сапожника и ткачихи, старый комсомолец и член партии. Военный летчик... Когда поступило распоряжение о посылке звена на спасение челюскинцев, то в части, где служит Каманин, выбор пал на него, как на молодого, крепкого, смелого, опытного и безаварийного летчика. Для Каманина полет к лагерю Шмидта был первым боевым полярным крещением...

Михаил Водопьянов... Старый гражданский летчик... Доброволец Красной армии... Шофер, потом бортмеханик, потом летчик. В 1930 году совершил блестящий перелет на одномоторном самолете «Юнкерс В-33» из Москвы в Иркутск. Этот перелет он сделал в сорок один летный час. В 1931 году организовался отряд самолетов имени «Правды», который перевозил матрицы газеты в крупнейшие города Союза. В этом отряде особенно проявил себя Водопьянов, который летал в любую погоду, в любых условиях, и днем и ночью. Во время перелета Москва — Петропавловск-на-Камчатке — Москва в феврале 1933 года Водопьянов терпит аварию. Но она не сломила его сил.

Иван Васильевич Доронин... Начал летать в 1924 году. Работал на трассе Иркутск — Якутск — Бодайбо. Проложил линию Иркутск — Средникан-на-Колыме...

Смелые люди неслись к нам на стальных крыльях...

Заготовка пресного льда.

ХІІІ. БЫТ СОВЕТСКОГО ПОСЕЛКА.

После отлета Ляпидевского опять потянулись наши лагерные будни. Делали аэродромы, благоустраивали лагерь.

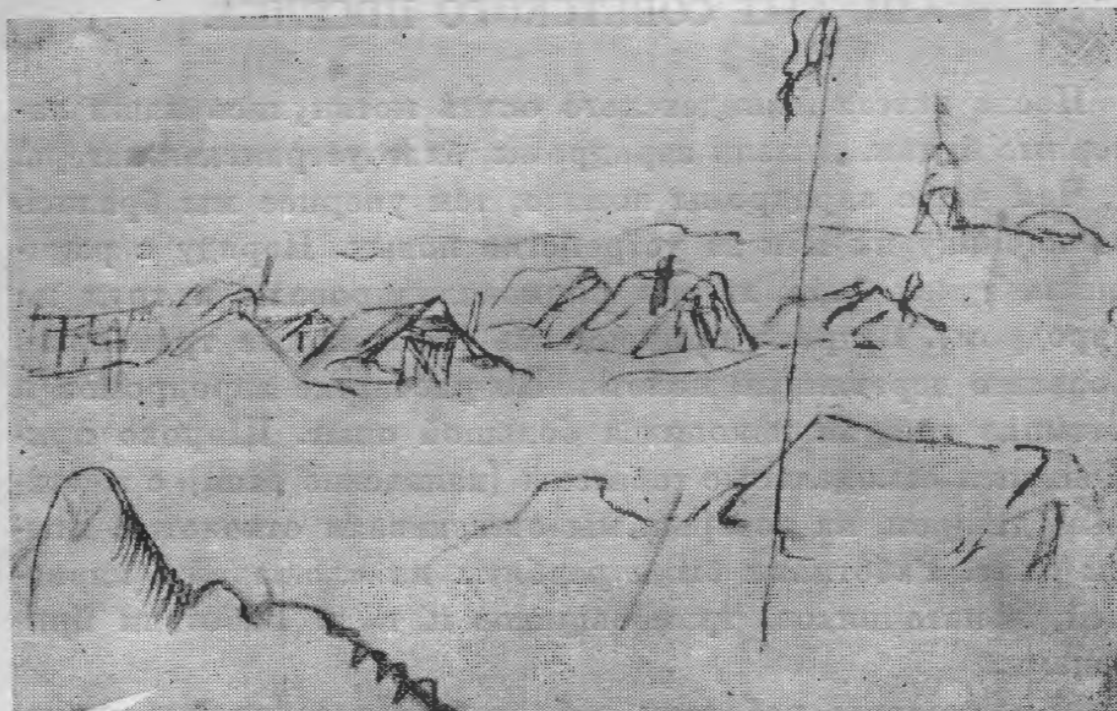
Чем чаще аэродромы ломало, тем упорнее мы брались за починку их или за устройство новых. Наряду с рационализацией быта лагеря рационализировали и труд на аэродроме. Широко применялись самодельные трамбовки, большие деревянные молоты. По расчистке аэродромов и засыпке трещин накопился большой опыт. Широко применялись самодельные тобагены (канадские саиы) с жестяным днищем, на которых мы оттаскивали отколотые глыбы льда. Работники были разбиты на «лошадей», киркачей, лопаточников, трамбовщиков и т. д. Работали бригадами.

Комсомольцы работали в бригаде Колесниченко, которая успешно соревновалась с бригадой гидробиолога Ширшова. Ежедневно мы подводили итоги работы и результаты соревнования сообщали через газету «Не сдадимся!»

Приспособившись к условиям ледяного лагеря, рационализируя свой труд, челюскинцы начали выкраивать время даже для учебы.

После работы Отто Юльевич Шмидт читал лекцию по диалектическому материализму. Сбор на лекции назначался в радиопалатке. К определенному часу все сходились, сбрасывая у входа в палатку свою меховую одежду. Твердого расписания занятий не было, ибо неизвестно было, какие события ждут нас. Занимались примерно через день. Весть об очередном занятии быстро становилась известна всему лагерю. Впоследствии посещение этих лекций стало настолько активным, что пришлось перенести занятия из радиопалатки в барак, и все свободные от работы и дневальства шли на занятия.

С большой активностью прошли на льду занятия по изучению докладов товарищей Сталина и Кагановича на

Лагерь Шмидта. (Зарисовка сделана в лагере.)

семнадцатом съезде партии. Доклады эти были получены по радио еще на судне и во время его гибели спасены.

На проработке докладов присутствовали все. Для партийцев и комсомольцев явка была обязательной. Но этот обязательный порядок был условным, потому что все сами шли с громадной охотой на занятия и никого тянуть не приходилось. Дневальные, лишенные возможности присутствовать на занятиях, просили то одного, то другого заменить их.

Книг у нас на льдине было очень мало. Среди спасенного имущества нашли томик Пушкина, «Пан» Кнут Гамсуна, третью часть «Тихого Дона» Шолохова, «Песнь о Гайавате» Лонгфелло, «Люди сороковых годов» Писемского и... прейскурانت овощей на английском языке. Так как охотников читать было много, то читать приходилось вслух.

Особенным успехом пользовались у нас Пушкин и «Гайавата». Илья Леонидович Баевский читал вслух Пуш-

кина сначала в бараке, а когда барак разорвало, то в палатках. При этом в одной из палаток Пушкин читался утром, в другой — вечером.

Для получения книги в палатку вне очереди нужно было иметь какие-нибудь исключительные заслуги. Помню, наша аэродромная палатка смогла получить «Гайавату» и «Пан» Гамсуна только как премию за наш ударный ремонт самолета Бабушкина, и то принимая во внимание, что мы, живущие далеко от лагеря, оторваны от учебы и развлечений, какие были в лагере.

Получив книжки, мы всю ночь напролет читали их и без сна приступили к работе на следующий день. Читали вслух по очереди: я, потом Гуревич.

Книжный кризис в лагере несколько ослаблялся собственным творчеством челюскинцев. Сергей Семенов под псевдонимом «Айс-Лонгфелло», то есть «Ледового Лонгфелло», сочинил «Ледовую Гайавату», посвященную Отто Юльевичу Шмидту, и назвал ее «Диамат».

В ропаках, в Чукотском море,
На вершине трех торосов,
Он стоял, владыка ГУСМПа,
Отто Монито могучий,
И с вершины трех торосов
Созывал народ барака,
Созывал народ палаток.

От следов его струилась
Майна, в пропасти срываясь,
Вся сверкая льдом искристым.
И перстом владыка ГУСМПа
Начертал во льдах полярных
Путь великого прохода:
«Вот наш путь отныне будет».

От тороса взявши льдинку,
Из нее он сделал трубку,
Голубую трубку мира,
И на ней зарубку сделал.
И на майне у барака
Дымовой сигнал поставив,

Закурил он эту трубку,
Всех сзывая на собрание.

Дым струился тихо-тихо
В блеске солнечного утра:
Прежде темною полоской,
После — гуще, синим паром,
Наконец коснулся неба,
Раскатился над Чукоткой.

От палатки кочегаров,
От палатки машинистов,
От матросов, от ученых,
От барака, от радистов —
Все и всюду увидали
Дым призывной трубки Отто.

И старшие всех палаток —
Кочегаров, машинистов,
И матросов, и ученых,
И барака, и радистов —
Закричали: «То наш Отто!
Этим синим буйным дымом,
Что вздымается до неба,
Он сзывает на собрание,
На совет нас созывает».

От палаток, от барака
Через торосы, через майны,
В теплых малицах оленьих,
В кожаных куртках,
В торбазах, ботинках крепких
Шли старшие всех палаток,
А за ними кочегары,
Машинисты и матросы,
Журналисты от «Известий»,
От «Вечорки», «Комсомолки».

Шел Баевский — Меджикивис,
Аэролог Жирынопуов¹,
Шел хитрейший Попокивис²,
Повелитель всех циклонов

¹ Шпаковский.

² Метеоролог Комов.

От Колымска до Аляски,
Что считал себя ученым;
Шел задорный Гайавата,
Ваня Копусов вихрастый;
Шел старейший из партийцев
Алексей Бобер¹ редчайший;
А за ним спешили в ногу
Повелители науки
Во главе со Хмызей Толстым²,
Позади всех снег топтали
Штурмана, народ ретивый.

Все спешили, как умели,
Пред лицо владыки ГУСМПа.
Отто Монито могучий,
Севморпуть создавший людям,
Поглядел на всех с участием,
С отчей жалостью, любовью,
Поглядел он на махистов,
На котят-идеалистов,
Механистов, прочих «истов»,
Диалектики не знавших.

И величественный голос,
Голос шуму вод подобный,
Шуму многих сильных сжатий,
Прозвучал ко всяким «истам»:
«Вам дан разум и сознание,
Вы учились в многих вузах,
На рабфаках, в институтах,
Вы росли в Стране советов,
Воспитавшей вас с любовью
Для того, чтоб помогали
Вы в делах ее великих.

Почему же, как слепые
Двухнедельные щенята,
Вы блуждаете в потемках
На путях наук всех ваших?
Ваша сила—в диамате;
Он укажет путь в науках,
Он наставником вам будет,
Всем его законам мудрым
Вы должны внимать покорно.

¹ Бобров.

² Хмызников.

И умножатся успехи,
Достиженья и открытия,
Что вас ждут, когда вернетесь
В край родимый, в край советский.
Если ж будете вы глухи —
Вы останетесь чем были».
Так сказал владыка ГУСМПа,
Отто Монито могучий.

«Гайавату» многие из нас разучивали наизусть.

Большим успехом пользовались частушки и песни Саши Миронова, в особенности «Гимн лысых» и написанные им незадолго до гибели корабля «Чукотские новеллы».

Свободные часы по инициативе молодежной палатки использовались не только для учебы, но и для коллективных развлечений. Сознательно эти развлечения старались выносить на воздух, чтобы в них могло участвовать большое количество людей.

Права гражданства получили у нас игры в лапту, городки, футбол и «масло».

Игра в лапту на льду ничем не отличалась от обычной игры в лапту, только мячик у нас был не резиновый, а самодельный (из войлока и тряпок).

Для футбола большой площадки не было, — играли на небольшой площадке, но тем не менее с настоящими воротами, сделанными из весел и досок. Мяч был тряпичный. Делились на две партии и забивали друг другу голы. Застрельщиками футбола были Паршинский и Степа Фетин.

В «масло» играют так: в центре площадки и вокруг нее роют ямки; в центральную ямку кладется шар, а играющие стоят с палками у своих ямок. Один выбивает шар из центра, и в это время происходит перебежка. Тот, кто гонял шар, должен захватить себе свободную ямку, а тот, кто остался без ямки, начинает гонять шар. Первым игру с шарами начал машинист Нестеров.

Юра Морозов был инициатором городков. Городки

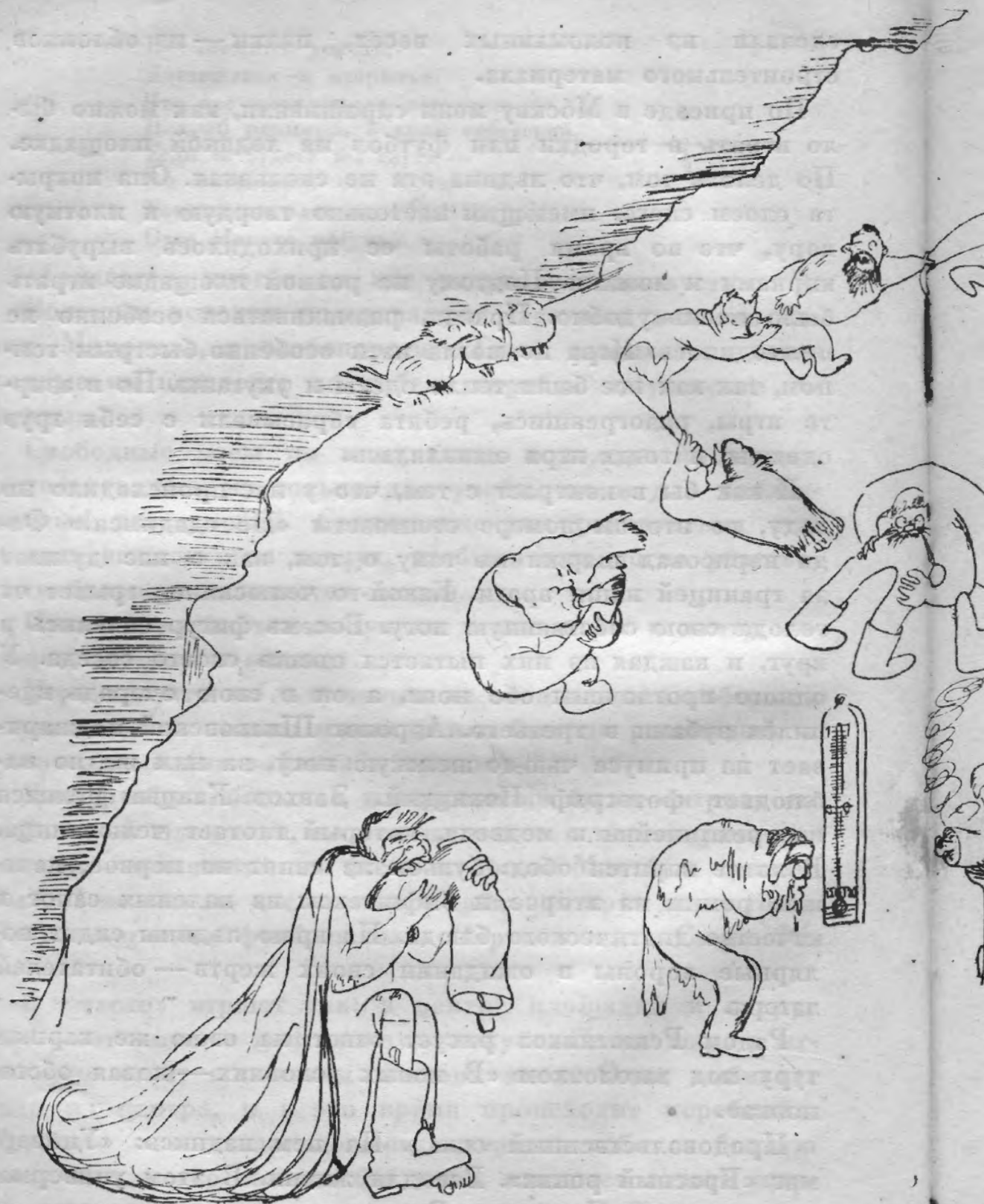
сделали из поломанных весел, палки — из обломков строительного материала.

По приезде в Москву меня спрашивали, как можно было играть в городки или футбол на ледяной площадке. Но дело в том, что льдина эта не скользкая. Она покрыта слоем снега, имеющим настолько твердую и плотную кору, что во время работы ее приходилось вырубать кирками и ломami. Поэтому на ровной площадке играть было очень удобно. Правда, размахиваться особенно не приходилось. Игра не могла идти особенно быстрым темпом, так как все были тепло одеты и укутаны. Но в азарте игры, разогревшись, ребята сбрасывали с себя груз одежды, и тогда игра оживлялась.

И как бы в контраст с тем, что у нас происходило на льду, во втором номере стенгазеты «Не сдадимся!» Федя нарисовал шаржи на тему о том, как о нас думают за границей наши враги. Какой-то челюскинец грызет от голода свою собственную ногу. Восемь фигур сплелись в круг, и каждая из них пытается съесть своего соседа. У одного проглочены обе ноги, а он в свою очередь вцепился зубами в третьего. Аэролот Шпаковский поджаривает на примусе чью-то женскую ногу, за ним жадно наблюдает фотограф Новицкий. Завхоз Канцын целится из трехлинейки в медведя, который глотает челюскинца. В котле варится обед: бульон из сапог на первое, печеные ремни на второе и бифштексы из валеных сапог в качестве диетического блюда. На краю льдины сидят полярные вороны в ожидании своих жертв — обитателей лагеря.

Рядом Решетников рисует ответ на свою же карикатуру под заголовком «В новых условиях — новая обстановка».

Продовольственный склад. На нем надпись: «Универмаг «Красный ропак». Все для жизни. В этом универмаге можно получить все. Здесь отпускают и валеные сапоги, и кусок свинины».

«Как о нас думают наши враги». (Из стенной газ)

На месте гибели «Челюскина» вывеска: «Дроворазработки производит артель «Раз, два — взяли». Далее, фабрика-кухня и барак, обложенные снежными кирпичами. В центре рисунок: «Фотоисторический момент. За одну карточку — одна галета». Петр Карлович Новицкий снимает челюскинку на фоне декорации: гибнущий «Челюскин», перевернутая луна, дирижабль имени «Правды», марширующие белые медведи и гондолы с гребцами.

Игры и развлечения не только заполняли наше свободное время, но и наполняли нас жизнерадостностью, которая была необходимым условием нашего существования. Шутки, развлечения и учеба облегчали томительное ожидание самолетов в лагере.

Однообразнее была жизнь аэродромщиков. Здесь — не до игр. С наступлением светлых дней и приближением весны передвижки льда участились. Поэтому аэродромы ломало все чаще.

Мы теперь уже не останавливались на одном готовом аэродроме. Не дожидаясь, пока его сломает, мы выискивали и расчищали новые площадки.

В наши аэродромные будни внесли однажды разнообразие медведи.

В один из дней, когда очередная бригада утром прибыла на аэродром, я сидел в палатке и спокойно допивал третью чашку чая. Я не торопился, ибо моя бригада работала после обеда и на аэродроме распоряжался Гуревич.

Вдруг слышу голоса:

— Медведи, медведи!

— Где? Где?

— Да вон!

Слышу голос Вити:

— Винтовку, винтовку!

Через секунду он влетел в палатку с криком:

— Саша, скорей винтовку!

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ

Погосов, Гуревич и Гудин охотятся на медведей.

Винтовка была уже у меня в руках. Я пулей вылетел из палатки и, ослепленный ярким солнцем и блеском льдов, долго ничего не мог разглядеть. Когда глаза привыкли к свету, я увидел трех спокойно шагающих по ропакам медведей, в километре от нас. Кто-то приташил мне кожанку и шлем. Саша Миронов наполнил мне карманы патронами, Витя, держа в руке наган, кричал:

— Бежим наперерез!

Побежали втроем: Гуревич, старший помощник капитана Гудин и я. Витя легко скакал с ропака на ропок. Я же отставал. Твердая кора снега, удерживавшая легкого моего друга, коварно проваливалась под моими ногами.

— Витя, тише! — кричал я. — Не спеши, а то медведи испугаются и уйдут...

Я пробежал минут двадцать, пока заметил метрах в трехстах медведицу и двух медвежат, идущих на нас. Еле уговорил Гуревича спрятаться за ропак и ждать. Сам тоже прилег за ропаком, положил винтовку и стал ждать, пока медведи подойдут поближе.

Рядом со мной лежал Гудин — страстный охотник. Он мне нашептывал на ухо: «Не спеши, целься лучше и обязательно сначала в медведицу».

Медведи приближались. Витя не вытерпел, выскочил из-за прикрытия и стал помахивать руками, как бы приглашая медведей. Медведица, поднявшись на задние лапы, глухо заревела и, опустившись, быстро повернула и стала улепетывать, часто оглядываясь и подзывая медвежат.

Крепко выругавши всердцах Гуревича, я, не теряя времени, прицелился в медведицу и выстрелил. Она завертелась на льду.

— Есть! — говорит Гудин. — Теперь медвежонок!

От второго выстрела медвежонок свалился, как сноп.

Тем временем медведица поднялась на задние лапы и ревом подозвала несколько отставшего второго медвежонка. Я снова прицелился в медведицу. От этого выстрела она свалилась мертвой. Оставшийся медвежонок быстро убежал. Я пустил вдогонку выстрел, но медвежонок скрылся за ропаками. Через несколько минут он вновь появился метрах в пятистах, и я, выпустив еще одну пулю, ранил его. Медвежонок, завертевшись на месте, поднялся, стал убегать еще стремительней и вскоре скрылся совсем за грядой торосов.

Уставшие и мокрые, мы медленно возвращались обратно.

Уже подходя к аэродрому, встретили Бабушкина, который весело приветствовал нас и поздравлял с удачной охотой. На самом аэродроме нас встретил Владимир Иванович Воронин. Он радостно пожимал мне руку:

— От души поздравляю! Молодец!

— С чем, Владимир Иванович? Со свежим мясом, что ли?

— Хотя бы, — ответил он, — и со свежим мясом, и с первым медведем.

У палатки зоолог Белопольский уже сдирал шкуру с медведей, раскладывая прекрасный серебристый мех.

Медвежьи туши увезли на нартах в лагерь. Жора Валавин на правах хозяина аэродрома, на территории которого были убиты медведи, отрезал целый окорок молодого медвежонка. Несколько дней мы ели свежее мясо. Много было разговоров и смеха по поводу этого, ставшего знаменательным, дня.

XIV. САМОЛЕТЫ НАД ЛЬДИНОЙ

Самолет Бабушкина «Ш-2», который мы называли «шаврушкой» и «стрекозой», был притащен из лагеря на аэродром, и здесь мы его ремонтировали. Наша аэродромная бригада, используя примитивные средства—инструменты и материалы, которые были у нас на льду,—починила помпую во время выгрузки, дважды терпевшую аварию еще на пароходе «стрекозу» и наладила мотор.

Шмидт решил во что бы то ни стало перебросить Бабушкина в Ванкарем для организации и руководства авиационной базой, которая там создавалась. Для этого ждали только хорошей погоды.

Наконец 1 апреля наша «стрекоза» поднялась в воздух. До этого Бабушкин три раза пытался оторвать машину от аэродрома, но перегруженная, исковерканная «шаврушка» не отрывалась. Бросив все лишнее, оставив бензин только на перелет до материка, Бабушкин в конце концов оторвался. Было бесконечно радостно видеть результат наших работ, видеть нашу голубую машину, плавно парящую в воздухе над аэродромом и лагерем.

Но Бабушкин не улетел. В лагере на вышке был спущен флаг — это сигнал: «в Ванкареме погода испортилась». Бабушкин спустился обратно.

В этот день Бабушкин поднимался еще раз. Он предложил Отто Юльевичу испытать машину в воздухе. Шмидт согласился, несмотря на риск лететь на такой «телеге», понимая, какое огромное значение будет иметь этот полет для поднятия настроения в лагере. Второй раз машина с Бабушкиным и Шмидтом оторвалась уверенней и спокойней и, сделав несколько кругов над аэродромом, села.

2 апреля Бабушкин и Валавин наконец улетели в Ванкарем. В лагере Шмидта осталось девяносто человек.

Через два часа после отлета «шаврушки» на аэродром прибежал Саща Миронов, которого Шмидт послал с сообщением, что самолет Бабушкина благополучно сел на ванкаремском аэродроме. Мы были весьма благодарны Отто Юльевичу за это сообщение. Он прекрасно знал, с каким волнением и тревогой мы ждали его.

Нужно было видеть этот самолет, чтобы представить героизм Бабушкина и тот риск, которому он подвергался. Нижние плоскости самолета были совершенно оторваны вместе с поплавками. Корпус был в дырках и заплатах. Из восьми стоек, поддерживающих верхнюю плоскость, только две были целы. Остальные помяты, погнуты, две стойки укреплены досками и проволокой. Шасси были перевязаны веревками и тросами.

После отлета Бабушкина на аэродроме нас осталось двое — я и Гуревич. Но одиночества мы не чувствовали, так как наступили горячие дни. Мы работали с раннего утра до поздней ночи, почти не входя за день в палатку.

Перед отлетом Бабушкин проинструктировал меня и поручил аэродром и все работы, связанные с приемкой и отправкой самолетов.

Я и Витя остались полными хозяевами аэродрома. А чтобы было веселее, у нас постоянно кто-нибудь оста-

вался в гостях. Чаще всего это были Вася Громов и Гриша Дурасов.

Через несколько дней мы получили радиограмму, что в Уэллен прилетел Слепнев и что вслед за ним туда прибыли Каманин и Молоков. Звено Галышева сидело в Анадыре, выжидая погоду.

7 апреля Слепнев на своем американском «Флитстере» перелетел из Уэллена в Ванкарем и в тот же день вылетел к нам.

Вслед за ним на наших советских «Р-5» полетели Каманин и Молоков.

После первого перелета Ляпидевского в лагере месяц с лишним не было самолетов... Представьте же нашу радость, когда над аэродромом закружилась синяя птица с яркими желтыми крыльями! На аэродроме собрались почти все челюскинцы.

Вот Слепнев пошел на посадку. Три раза он прицеливается на аэродром и три раза взвивается снова вверх. Аэродром маловат для него. Мешает боковой ветер. На четвертый раз, прицелившись сбоку, он стал решительно приземляться, и перед нами промчалась в дальний конец аэродрома новенькая, блестящая машина. Но, не остановив разбега, скользя, она выскочила за границу аэродрома и, к нашему ужасу, стала подпрыгивать на ропаках. Перевалив через громадный ропак, она свалилась за него на одно крыло и замерла...

Я подбежал к самолету. Увидел Слепнева, осматривающего повреждения машины, и Ушакова, стоящего рядом с ним. Первые мои слова:

— Как, все в порядке?

— В порядке,—с улыбкой ответил Слепнев.

Только после этого пожали мы друг другу руки. К этому времени подбежали люди из лагеря. Впереди — Отто Юльевич Шмидт. Радость, что все целы, перекрыла тяжелое впечатление, произведенное аварией самолета.

Боцман Толя Загорский — старый полярник и большой

любитель собак — выгружал из самолета восемь чукотских псов, привезенных нам Ушаковым.

После первых приветствий, рукопожатий и поцелуев было решено срочно «поднять на ноги» самолет и перетащить его на аэродром. Повреждения были такие, что их можно было исправить собственными средствами. Слепнев заявил, что он улетит, как только Молоков и Каманин привезут ему запасные плоскости хвостового оперения, немного помятые при прыжках на ропаках.

Заработала бригада, созданная для ремонта машины, и через полтора часа мы уже тащили самолет, поставленный на ноги, к аэродрому.

В это время на горизонте появились две черные точки.

— Самолеты! Самолеты! Молоков! Каманин! — раздавались крики.

Через минуту аэродром был очищен от людей. Один за другим Каманин и Молоков пошли на посадку. Сделав два-три круга, самолет Каманина прикоснулся ко льду недалеко от выложенного «Т» и побежал по аэродрому.

— Остановится или нет? — волновало всех. — Неужели влетит в ропаки так же, как слепневская машина?

Но у самой границы флажков самолет остановился. Я, отрулив его в сторону, стал ждать второго.

Остановившись у самой границы ропаков, сел и Молоков.

Самолеты подтянулись к нашей палатке. Стали готовиться к погрузке первой партии пассажиров — группы больных, которые должны были быть вывезены первыми после женщин.

Ребята любовно похлопывали и гладили замасленные, грязные бока наших советских самолетов, которые, не смотря на свою неуклюжесть по сравнению с американской «кокеткой», как мы называли самолет Слепнева, показали лучшие качества и лучшую приспособленность для работы на наших ледовых аэродромах, во льдах Арктики.

Тревога на корабле.

Герой Советского союза летчик Маврикий Слепнев.

Самолет «Р-5» — двухместная открытая машина. Каманин и Молоков в этот день смогли взять только пять человек, так как вместе с Каманиным прилетел штурман Шелыганов, помогавший самолетам найти лагерь.

Легко и уверенно оторвавшись, самолеты взяли курс на Ванкарем.

Молоков и Каманин собирались на следующий день

повторить свой полет. Но опять началась пурга, изменился ветер. Попытка Молокова найти лагерь не удалась. В лагере был большой праздник. Ушаков и Слепнев долго рассказывали нам о последних событиях в Союзе и во всем мире.

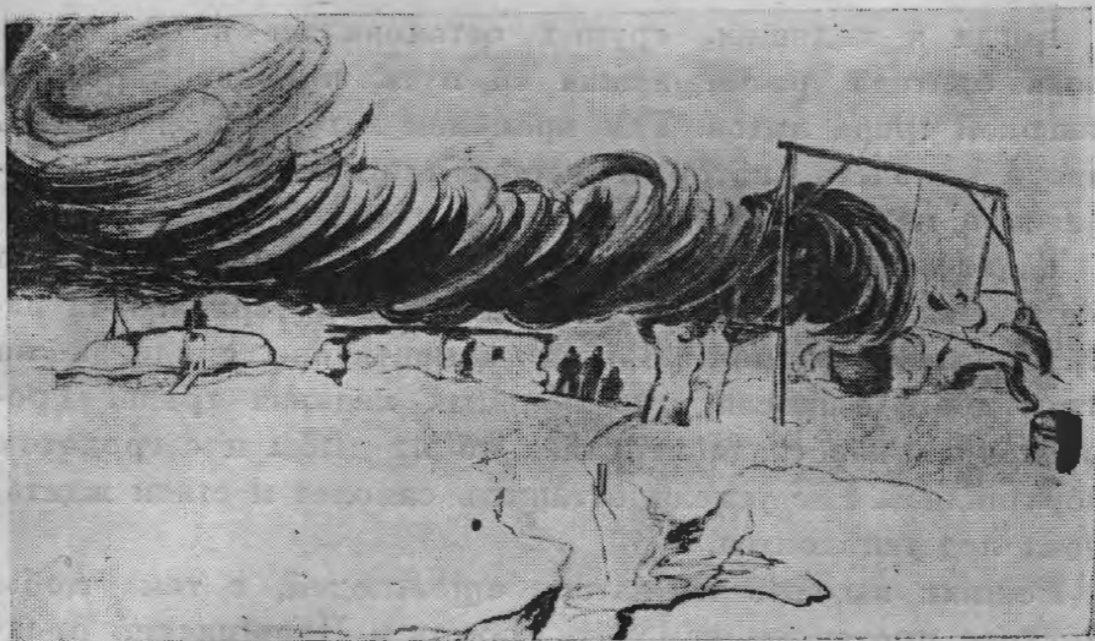
В эту ночь у нас на аэродроме ночевало десять человек, из них половина комсомольцев, которые остались здесь добровольно на случай сжатия льдов—для спасения самолета Слепнева.

8 апреля была сильная пурга. Начавшееся к вечеру сжатие льдов стало угрожающим. В ночь с 8-го на 9-е Слепнев ночевал на аэродроме. Всю ночь мы не спали, время от времени выбегая и проверяя целостность льдины, на которой стоял самолет. Сжатием аэродром сломало на несколько кусков. Рядом с палаткой шла трещина в несколько метров... Слепнев—прекрасный рассказчик. Он говорил всю ночь, и это сокращало томительное ожидание утра, когда можно было что-нибудь предпринять.

В лагере ночью была тревога. Сжатием там окончательно сломало остатки барака, превратив его в груды развалин. Грядой торосов вельбот навалило на эти обломки. От камбуза не осталось и следа. Посредине лагеря прошла широкая трещина, которая потом сошлась и превратилась в груды наваленных друг на друга глыб льда. Под некоторыми палатками также прошли трещины.

Всю ночь лагерь не спал. Дневальные по палаткам стояли у спальных мешков и теплой одежды, готовые оттащить их в сторону, как только трещина под палаткой станет расходиться. Другие спасали продукты, вельбот, оттаскивали вытащенные из барака вещи.

9 апреля с наступлением рассвета я пошел на запасный аэродром. Надо было проверить его состояние. Еще вчера, получив сообщение, что Молоков вылетел, мы обнаружили, что один конец аэродрома сломан. Поперек прошла трещина, которая стала расходиться. Тогда мы бросили всех людей на этот аэродром. Из всех сил ре-

Дымовой сигнал, по которому летчики находили лагерь. (Рисунок сделан в лагере.)

бята работали, чтобы расчистить и удлинить площадку. К вечеру наш аэродром был опять готов к приему самолетов. Но не успели мы приготовить аэродром, как на него снова угрожающе надвинулась гряда торосов. Медленно, но неумолимо, она поглощала метр за метром наш аэродром.

Я передал в лагерь, что нужно прислать людей на аэродром. Надо перетащить в другое место самолет Слепнева, так как на обломках старого аэродрома самолет ежеминутно подвергался опасности попасть в сжатие.

Через полчаса пришли измученные ночным авралом ребята. Оставив пять человек во главе с Ширшовым на аэродроме и указав, что нужно делать, я пошел навстречу другой группе, тащившей самолет. Дружно впрягшись в машину, человек тридцать тащили ее сквозь пургу по дорожке, которую впереди расчищали несколько человек с ломами и кирками. Слепнев, в своей нарядной куртке и шерстяной шапочке, бегал кругом, руководя работами.

Когда я подошел, группа остановилась в ожидании, пока бригада, расчищавшая ей путь, пробьет ворота в высокой гряде льдов. Тем временем мы стали разбирать хвост самолета, который мешал тащить машину, царапаясь о небольшие льдины.

Только мы успели расчистить ворота, как снова начало жать. Льды заходили под ногами, и полуторачасовая работа пропала даром. Ворота моментально смяло, и на этом месте выросла еще большая ледяная гряда. Громадная льдина стала вертикально на дыбы и с грохотом обрушилась. Еле успели оттащить самолет и стали ждать, пока лед успокоится.

Решили вызвать из лагеря еще людей, с тем чтобы быстрее протащить самолет. Громов и Паршинский предложили, не дожидаясь людей, тащить самолет сразу, как только лед успокоится.

— Нажмем, — говорили, — разом возьмем и успеем.

Наконец ледяное поле немного успокоилось. Быстро сделали новый проход. Две трещины, бывшие по пути, засыпали глыбами льда. Много тонн пришлось завалить в эти трещины, так как нижний лед уходил под воду и под ногами было зыбко.

Почти на руках мы протащили самолет через это коварное место. И как раз во-время: началось новое сжатие. Мы уже были по ту сторону трещины, когда ворота вновь смяло и там выросла новая гряда.

Теперь уже аэродром был близок, и дальнейший путь измученные ребята, напрягая последние силы, с криками и песнями, проделали сравнительно быстро.

Но на этом дело не кончилось. Несмотря на проработанные восемнадцать часов, мы еще должны были перетящить с нашего старого аэродрома на новый палатку, аэродромное оборудование и то имущество, которое там было. Только к вечеру ребята освободились.

Пурга прекратилась. Ветер стал затихать. Прекратилось сжатие льдов.

Герой Советского союза летчик Василий Молоков.

Прибив над палаткой нашу знаменитую вывеску «Аэропорт», мы легли спать, чтобы утром встать с новыми силами и приготовиться к приему самолетов.

Последний раз осмотрев прояснившееся звездное небо, я свалился, как убитый, укутавшись в спальный мешок.

На следующий день, 10 апреля, начали свою поистине изумительную работу Молоков и Каманин, прилетавшие несколько раз. Улетел и Слепнев, увозя шесть человек.

В этот день я и Гуревич не обедали: некогда было. Самолеты летали один за другим. Нужно было руководить погрузкой, укладывать вещи, принимать самолеты, отправлять их и давать указания бригаде, которая заканчивала третий запасный аэродром.

Наш «аэропорт» стал действительно походить на аэропорт: один самолет садился, другой улетал. Молоков впоследствии говорил, что ему «не давали даже как следует закурить». Только он успеет осмотреть мотор, проверить приборы, как подбегал к нему либо Витя, либо я с предложением лететь, так как все готово.

10 апреля вывезено было двадцать два человека. С Молоковым улетел и Ушаков. В этот день «дядя Вася» сделал три рейса, Каманин — один.

11 апреля было сделано семь рейсов, из них четыре — Молоковым и три — Каманиным. И Молоков и Каманин, учитывая необходимость быстрой эвакуации лагеря, стали возить сперва по четыре, потом по пять, а Молоков даже по шесть человек. В заднюю кабинку, где с трудом помещалось два человека, сажали по четыре. Потом по два человека укладывали в парашютные ящики.

Парашютные ящики — это сигарообразные фанерные цилиндры, открывающиеся сзади. Они служатместилищем для грузовых парашютов. Молоков предложил использовать их для переброски людей. Для этой цели ящики опорожнили, сделали в них небольшие квадратные отверстия для доступа воздуха и крепко подвесили их на толстых веревках под плоскостями крыльев.

Вначале желающих лететь в парашютных ящиках не было. Сознывая необходимость быстрой эвакуации лагеря, комсомольцы Паршинский, Миронов, Громов заявили, что они полетят в ящиках, невзирая на «неудобства». У ребят не было страха лететь подвешенными к крыльям.

Герой Советского союза летчик Анатолий Ляпидевский.

После этого в ящиках согласились лететь и намеченные по списку товарищи.

В числе первых улетевших в парашютных ящиках были комсомолец Герман Ермилов и наш старик-механик Пионтковский. Правда, Антон Иванович долго и упорно протестовал против того, что его засовывают в «собач-

ник», как он говорил, но ему заявили, что очередь ломать нельзя, что в порядке очереди ему надо лететь в ящике и что надо решаться скорей, не задерживая самолет. Почему Антон Иванович неохотно соглашался лезть в ящик, нам было понятно. Впечатление он действительно производил неприятное. Под крылом, почти у самой земли, висит фанерная коробка, которая закупоривается и в которой нельзя даже пошевелиться.

Не каждый туда влезет! Только теперь, вспоминая все это, я удивляюсь, как поместился в этом ящике Женя Прокопович — здоровый, плотный парень, которого я в буквальном смысле слова втиснул только с помощью Гриши Дурасова, самого сильного человека в нашем лагере.

Очередной пассажир, летевший в «собачнике», становился, нагнувшись, перед ящиком и вставлял туда голову. Его поднимали за ноги и, в зависимости от комплекции, с той или иной силой втискивали внутрь. Потом закрывали крышку, заворачивали гайку — и пассажир готов к отправке.

Жене Прокоповичу пришлось снять малицу, меховую одежду и даже пиджак. Но он оказался длиннее ящика. Вдвоем с Дурасовым мы с трудом закрыли дверцу, несмотря на протесты и жалобы Жени, который головой уперся в противоположную стенку.

Когда я наконец завернул покрепче гайку и через отверстие спросил о его самочувствии, Женя только сказал:

— Ничего, как-нибудь. Сколько лететь-то?

— Всего лишь час, Женечка, потерпишь. Ну, счастливого пути! Готовься к встрече! — ответил я ему и побежал докладывать Молокову, что самолет готов. Из-за «трудностей» с погрузкой Жени я задержал самолет на десять лишних минут.

Зато вот Саша Миронов — худой и тощий — легко влез в ящик. Он даже умудрился в пути закурить, и, когда

- Герой Советского союза летчик Михаил Водопьянов.

его вытаскивали в Ванкареме из ящика, он вылез с горящей папиросой, насвистывая любимую песенку «В далекой гавани»...

11 апреля четвертым рейсом, уже в сумерки, по приказанию правительства Молоков вывез сильно заболевшего Шмидта.

У Отто Юльевича была высокая температура. Он не мог ходить и еле разговаривал. Несмотря на это, он решил остаться до конца в лагере. Уговорить Отто Юльевича не было никакой возможности. Шмидт подчинился только категорическому распоряжению правительства, передав руководство лагерем товарищу Боброву.

Его, укутанного в меха, на нартах привезли на аэродром как раз в тот момент, когда Молоков садился. На аэродроме уже было мало народа. В лагере остался только тридцать один человек. Начинало темнеть. Надо было торопиться. С другой стороны, мы задерживались из-за желания получше устроить Шмидта в открытой кабине самолета.

Наконец все готово, и я повел самолет в конец аэродрома. На прощание я успел только пожать Отто Юльевичу руку и сказать:

— Отто Юльевич, скоро увидимся!

Он глазами ответил на мои прощальные слова и с трудом улыбнулся.

Молоков особенно мягко и плавно поднял самолет в воздух и, развернувшись, пошел по направлению к Ванкарему.

Вместе со Шмидтом улетели доктор Никитин и один из строителей. В лагере осталось двадцать восемь человек.

12 апреля в лагерь прилетели Каманин, а также Доронин и Водопьянов, преодолевшие Анадырский хребет. Молоков в этот день не работал, так как в радиаторе его мотора появилась течь — нужно было запаять.

Доронин при взлете поломал шасси и остался на аэродроме. Нужно было срочно починить самолет. Людей становилось все меньше и меньше, и задерживать самолет с ночевкой на аэродроме было рискованно. В случае сжатия льдов мы не могли бы даже оттащить самолет. Используя лом, который кропотливым трудом был разрезан на три части, мы на скорую руку починили шасси самолета

Герой Советского союза летчик Николай Каманин.

и костыль. Расчистили поровнее дорожку на аэродроме, и после обеда Доронин, забрав двух пассажиров, поднялся.

С тревогой следил я за разбегом машины, боясь, что шасси опять поломается. И оно поломалось, но, к счастью, тогда, когда самолет уже набрал скорость и оторвался от аэродрома. Я с ужасом заметил, что одна лыжа

повисла в воздухе. Как же он сядет на ванкаремском аэродроме?

Но Доронин, оказывается, в воздухе заметил висящую лыжу и сумел посадить самолет благополучно без всяких поломок на одну лыжу.

Водопьянов залетел из Анадыря на мыс Северный, потом перелетел в Ванкарем и оттуда, без отдыха, только заправившись бензином, полетел в лагерь. Несмотря на позднее время, он успел сделать два рейса, очень недовольный тем, что запоздал и что на его долю осталось мало народа.

Во втором рейсе Водопьянов чуть было не остался на аэродроме из-за закипевшей воды в радиаторе. Пришлось остановить мотор и доливать радиатор водой. К счастью, после отправки Доронина на аэродроме остался притащенный из лагеря котел с горячей водой, которая еще не успела остыть. На аэродроме уже никого не было. Колесниченко, Марков и Копусов сидели в кабине самолета Водопьянова. Мокрый, вспотевший, я тащил котел поближе к самолету, торопясь, чтобы мотор не успел остыть. Воду налили, и мотор, не капризничая, завелся. Задержавшись всего лишь на сорок пять минут, Водопьянов улетел. Остался на аэродроме я один, а в лагере нас всего шесть человек. Последние шесть!

Витя Гуревич улетел в этот день в один из последних рейсов. Впервые почти за целый год мы разлучились. Вите пришлось лететь ввиду того, что в самолете Каманина было одно свободное место, а Марков, чья очередь была лететь, опоздал из лагеря. Самолет нельзя было задерживать, а отправлять его недогруженным тоже было нельзя. Поэтому я Вите сказал:

— Хоть тебе и не хочется лететь не в очереди, а все-таки придется. Нельзя же отправлять самолет недогруженным. Сам понимаешь! Да, потом, и народу теперь мало, я один на аэродроме справлюсь.

Долго он не соглашался. Но Марков не идет—и он за-

Герой Советского союза летчик Сигизмунд Леваневский.
лез в кабину. Пожав ему руку, я отрулил самолет, и мой
друг улетел.

XV. ПОСЛЕДНИЕ ШЕСТЬ

Итак, нас осталось шесть человек: начальник экспеди-
ции Алексей Николаевич Бобров, капитан Владимир Ива-

нович Воронин, старший радист Эрнест Кренкель, радист Сима Иванов, боцман Толя Загорский и я — начальник аэродрома.

После отлета Водопьянова стало как-то пусто. Я прошелся по аэродрому, осматривая валяющиеся вещи, отмечая и откладывая в сторону необходимое для отправки. В сторонке лежала куча личных вещей. Мы в первую очередь отправляли научные материалы, инструменты. В сторонке же лежали шкуры убитых медведей, из которых одна была дана Алексею Николаевичу Боброву для передачи Обществу старых большевиков.

Темцело. Подъехали на нартах Толя Загорский и Сима Иванов. Пока я Симе рассказывал подробности отлета последних самолетов, Загорский вернулся обратно в лагерь. Я решил в последний раз посмотреть на лагерь, так как завтра, если будут самолеты, улечу и я.

Беседа, мы пошли с Симой в лагерь. Я уже давно не был там и по дороге удивлялся тем изменениям в ледовой обстановке, какие произошли в результате последних сжатий льда.

Там, где была ровная площадка и накатанная дорога, попадались громадные гряды ледяных торосов, трещины, ледяные глыбы. Дорожка, протоптанная частыми хождениями из лагеря на аэродром и обратно, временами обрывалась на какой-нибудь трещине или упиралась в хаос льда. Приходилось обходить и протапывать новую дорожку.

Еще большие изменения я заметил в самом лагере. Лагерь был прямо неузнаваем. Вместо барака лежала куча бревен и леса, накрытая сверху вельботом и смешанная со льдами. Место камбуза я уже не нашел. Вся площадка лагеря была испещрена большими и малыми трещинами; посредине лагеря проходила гряда торосов. Вышка, находившаяся раньше далеко, придвинулась теперь почти к самому лагерю.

Мы встретили Боброва и Воронина. Я рассказал им

подробно о причине задержки Водопьянова, и мы пошли в палатку, где Кренкель, отдыхая от работы, пил чай. Перед ним стояла банка сгущенного молока, и он смело уплетал ее, заявляя: «Все равно оставлять». Сахар он клал большими дозами, приговаривая: «Пить — так пить».

Кренкель вообще большой шутник. Помню, когда нами получались по радио сведения о новых спасательных мероприятиях правительства и партии, когда мы узнали об отправке к нам самолетов, дирижаблей, аэросаней, вездеходов, «Красина» и других судов, — в лагере каждый в шутку выбирал, на чем он вернется на материк. Одни стояли за возвращение на «Красине», другие говорили, что обязательно будут ждать дирижабля, а Кренкель шутя заявил: «Полечу только на таком самолете, где есть буфет с горячей пищей и спиртными напитками...»

Попили чаю, побеседовали. Кренкель сказал, что завтра пришлют три самолета сразу, так как делиться остав-

Из лагеря на аэродром перевозятся вещи и продукты.
(Рисунок сделан в лагере.)

шимся в лагере было уже нельзя. Кренкель до последней минуты должен поддерживать связь с миром; капитан Воронин и Бобров, как руководители, должны были покинуть лагерь последними; Толя Загорский, как каюр собачьей нарты, тоже должен был остаться, а я, как начальник аэродрома, должен был принять и отправить самолеты. Поэтому самолеты должны были прилететь все вместе.

Посидев в лагере час, я решил идти обратно на аэродром. Нужно было с утра дать сигнал о целостности и сохранности площадки, с тем чтобы Кренкель радировал в Ванкарем.

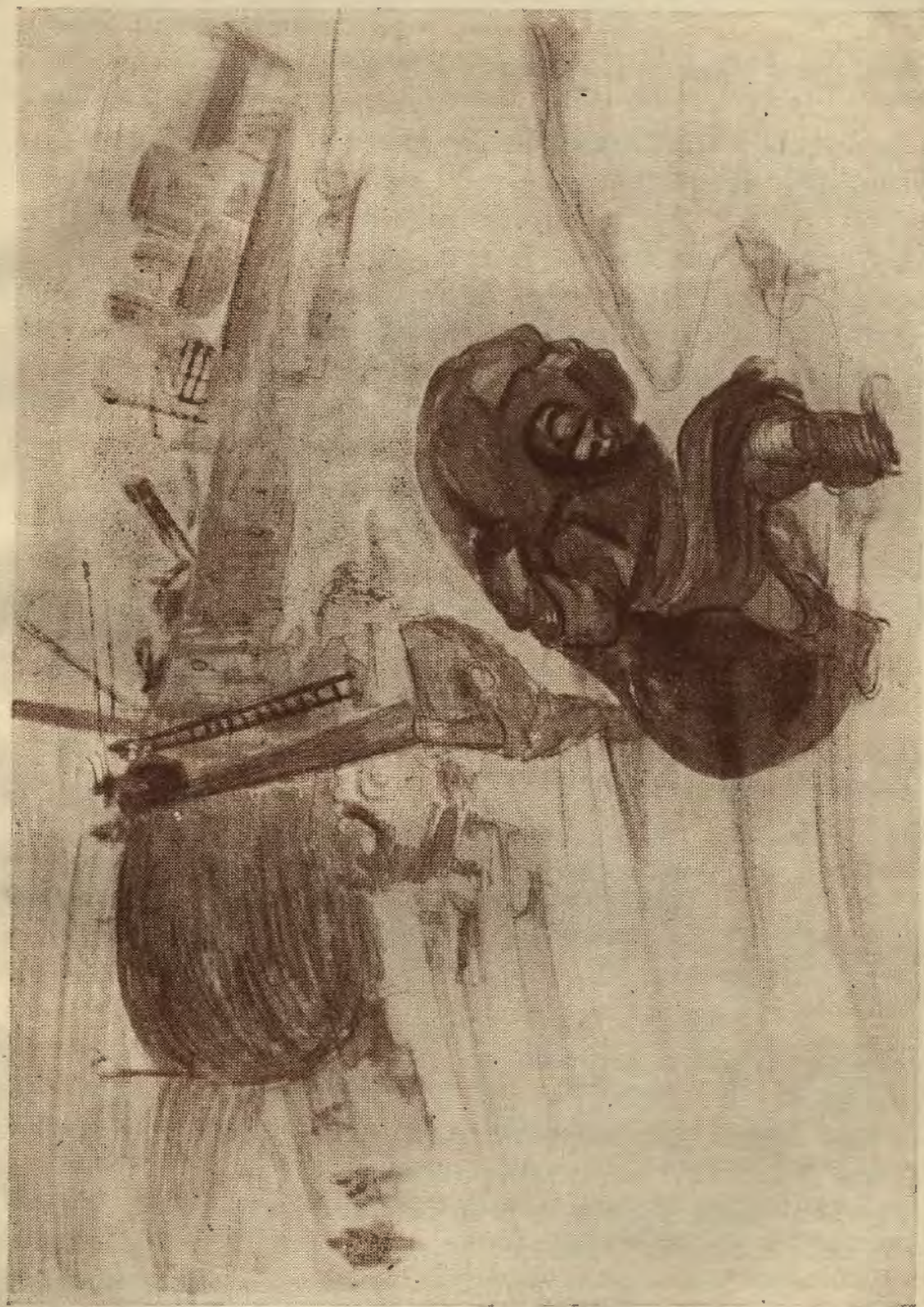
Отказавшись от предложения Кренкеля и Воронина остаться с ними в лагере, я пошел обратно.

Было уже темно, и я с трудом нашел аэродром. Сбившись с дорожки и шагая прямо по ропакам, проваливаясь по пояс в снег между торосами, я наконец добрался. Еще раз в темноте осмотрев аэродром и взяв из кучи валявшегося белья сухую пару, я пошел в палатку. Четвертый раз в этот день я сменил белье, потому что промокал от горячей работы. Сушиться было некогда, и, пользуясь остатками теплого белья, которое лежало на аэродроме, я менял его и надевал сухое.

Спать я лег в беспокойном состоянии. Меня пугала проблема утреннего вставания. Я очень устал и боялся проспать. Но, решив, что не спать тоже не годится, я собрал в большую кучу все оставшиеся меха и, сделав себе комфортабельную постель, залез в сальный мешок.

Проснулся я на рассвете. Я хотел узнать время, но слабый свет, падавший из обледеневшего окошка, не позволял разглядеть стрелки на карманных часах. Я вынул наган и прострелил бутыл, служившую окошком. Стало светлее, и я разглядел время: половина пятого. Чрезвычайно довольный тем, что не проспал, я быстро оделся и побежал осматривать аэродром. Поперек него проходила

Гибель «Челюскина» 13 февраля 1934 г.

1894-1895

свежая трещина, но она не разошлась, так что самолеты можно было принимать.

Я подал дымовой сигнал в лагерь и поднял флаг, означавший: «аэродром цел».

Через полчаса приехал на собаках Толя Загорский и привез оставшиеся вещи Воронина, Боброва, Кренкеля и Иванова. Стали ждать самолетов.

Скоро задымил костер в лагере. Это был сигнал, что самолет вылетел; дым служил ориентиром для летчиков. Но пришедший Сима Иванов сказал, что самолет Водопьянова, который вылетел по направлению к лагерю, не нашел нас и вернулся обратно.

В ожидании самолета я часто объезжал на нартах аэродром, беспокоясь за трещину. Но она держалась хорошо.

Сима и Толя, устроившись на мехах, заснули.

Позднее вновь задымил костер. На этот раз дым подымался густо к небу, и небольшой ветерок относил его в сторону.

Я разбудил ребят.

— Приготовьтесь. Скоро будут самолеты.

И действительно, минут через двадцать в небе показались три точки. Это были Водопьянов, Молоков и Каманин. Алексей Николаевич и Воронин, разжигавшие костер в лагере, в виде приветствия летчикам бросили в костер ящик с порохом. Раздался сильный взрыв.

Один за другим самолеты сели. Я, Иванов и Загорский быстро стали погружать в самолеты оставшееся имущество. Собак поместили в каманинской машине.

Запахавшиеся и мокрые от быстрой ходьбы, пришли на аэродром Кренкель, Воронин и Бобров. Я уговаривал их сесть в закрытую машину Водопьянова, чтобы они не замерзли в пути, но Воронин отказался. Он желал лететь в открытой машине, чтобы посмотреть на льды, лежащие между нами и Ванкаремом... И в этот момент в нем сказался полярный капитан!

Загорский сел в машину к Каманину. Иванов, Крен-

кель и Бобров — в машину Водопьянова. На молоковскую машину остались капитан и я.

Рассадив всех, я зарулил все три машины в конец аэродрома. Развернув каманинскую машину, я раскачал ее, и она легко поднялась в воздух. За нею взлетел Водопьянов. Тогда, развернув самолет Молокова, я раскачал его и вскочил в машину уже на ходу, пристроившись рядом с Владимиром Ивановичем Ворониным.

Под нами побежали гладкий лед аэродрома, флажки, аэродромная палатка с родной вывеской «Аэропорт», потом ропаки. Скоро наш самолет на высоте ста метров кружил над лагерем. По просьбе Владимира Ивановича Молоков сделал два прощальных круга...

Лагерь был, как игрушечный. Площадка, где расположены палатки, казалась пятном среди белого моря ропаков. Немного в стороне резко выделялась вышка с развевающимся на ней красным флагом. Еще два флага развевались в лагере: один — у радиопалатки, другой — на ропаке.

Скоро лагерь остался позади. Под нами замелькали ропаки, торосы, снова ропаки, снова торосы. Лед, лед и лед... Только тень самолета черным пятном скакала по верхушкам льдин. Владимир Иванович, высунувшись из кабинки, жадно вглядывался в горизонт, рассматривая льды и делая вслух замечания.

Через полчаса показался берег. Владимир Иванович хлопнул меня по плечу и указал пальцем по направлению к земле. Последний раз берег мы видели 5 ноября, когда нас уносило из Берингова пролива. Почти полгода мы не видели земли...

Вот уже видны шеренги яранг (чукотские жилища из шкур) и в сторонке на мысу — домик фактории в Ванкареме с радиомачтой и флажками. На аэродроме стояло несколько самолетов. Много людей размахивали руками и что-то подбрасывали в воздух.

Развернувшись над аэродромом, Молоков пошел на по-

Герой Советского союза летчик Иван Доронин.

садку. Замелькала бугристая поверхность аэродрома, стремительно стали приближаться и увеличиваться люди и самолеты. Еще минута-две — самолет подрулил к толпе.

Нас встречали горячо и радостно. Аркаша Шафран «наворачивал» на пленку наш прилет.

Когда мы пошли по направлению к фактории, я под

тонким слоем снега почувствовал хрустящую гальку. Было странно и радостно. Я нагнулся, поднял горсть и с интересом разглядывал: галька, камни, самые настоящие камни...

Витя, который встречал меня вместе с другими товарищами, смеялся.

— Тут их много, — говорил он, — брось!

В фактории было тесно и весело.

XVI. КОМСОМОЛЬСКАЯ ПЕШАЯ

В Ванкареме штаб по спасению во главе с Петровым обсуждал вопрос о переброске людей в Уэллен и в бухту Провидения. Бензина мало. Три партии челюскинцев уже отправлены на нартах. Но собак больше нет. Нужно достать бензин из Уэллена и тогда отправить остальных.

Но стоит ли ожидать самолеты?

Я поговорил с ребятами. Мы решили собрать бригаду и пойти пешком. Во-первых, этим мы разгрузим Ванкарем, который не приспособлен для содержания большого количества людей, и, во-вторых, облегчим работу летчиков. Наконец мы познакомимся с бытом чукчей.

Итак, мы решили идти пешком по Чукотке.

14 апреля бригада из восьми человек в составе гидробиолога Ширшова (руководителя), Решетникова, Фестина, Сенцова, Гуревича, Загорского, Мартисова и меня вышла в путь. Ширшов — бывший комсомолец, из восьми членов бригады пять комсомольцев, — поэтому мы назвались: «комсомольская ударная пешая бригада».

Нам предстояло пройти вдоль берегов Чукотки пятьсот сорок километров!

Погрузив на нарты наши вещи и продовольствие, распрощавшись со всеми и взглянув в последний раз в направлении лагеря, мы пошли.

Разыгрывалась пурга. Уже вчера, часа через два после

нашего прилета, погода резко ухудшилась; изменился ветер. Если бы нас не вывезли 13 апреля, ликвидация лагеря Шмидта задержалась бы...

В первый день мы прошли всего километров сорок. С непривычки сильно устали. Измученные, не дожидаясь чая гостеприимных чукчей, наскоро поели и свалились спать. На завтра предстоял большой путь. Нужно было рано встать. Но Федя Решетников не выдержал и, вынув свою неразлучную папку, сделал несколько набросков чукчанок и чукчей.

Несмотря на тесноту, мы спали очень крепко. Каюры утром разбудили нас, и, наскоро позавтракав, мы снова двинулись в путь.

Опять пуржило. В лицо дул резкий ветер.

Чукчи уходили вперед и, когда теряли нас из виду, останавливались, давая отдых собакам, которые тащили тяжело нагруженные нарты. Мы догоняли нарты, спрашивали у чукчей направление, по которому надо идти, уходили вперед, провожаемые визгом собак, которые рвались за нами, как бы протестуя против того, что мы уходим вперед. Когда мы скрывались в пургу, чукчи двигались с места, перегоняли нас, потом опять останавливались, давая отдых собакам и ожидая нашего прихода. И так все время.

Между тем погода продолжала портиться. Ветер завывал все сильнее. Мы удивлялись, как чукчи находят дорогу по совершенно незаметным, только им понятным приметам.

Мы шли по направлению к острову Колючину, где должны были ночевать. Усталые, мы еле передвигали ноги.

Несмотря на мороз и пургу, было жарко. Хотелось пить. На ходу подбирали снег и пытались им утолить жажду. У Решетникова от этого распухли десны. Вскоре на то же стал жаловаться и Загорский.

Собаки тащили груз. Им, бедным, доставалось. Лед был неровный, торосистый, и нарты прыгали с ропака на

ропак. Вдруг, после очередной остановки, чукчи, прислушавшись, быстро вскочили, подняли собак и стали кричать: «Ярай, ярай, ярай!» Собаки, рванув нарты, понеслись вперед. Удивительно, откуда у них взялась энергия?! Они неслись стрелой и скоро скрылись в пурге.

Загорский, зимовавший некогда у берегов Чукотки, сказал, что близко селение и что чукчи кричали собакам о близости отдыха. Собаки, почувствовав приближение яранг, понеслись вперед. Теперь их не остановить.

Узнав о близости селения, мы также, собрав последние силы, пошли быстрее. Минут через пятнадцать показался темный утес Колючийского острова. Он неожиданно вынырнул из тумана и пурги, и еще минут через пятнадцать мы увидели селение, расположенное у подножия скал.

Весь следующий день мы отдыхали. Пурга была настолько сильна, что даже чукчи отказались идти. А нам предстоял большой, семидесятикилометровый переход через Колючинекую губу до мыса Джинпретлен. Для этого перехода нужно было дать отдохнуть и собакам.

В Колючине мы встретились с пешей партией Алеши Апокина. Договорились идти дальше вместе. У Апокина в бригаде было три человека и трое нарт. Шли весело и бодро. Решетников рассказывал, как чукчанка смущалась, когда он ее рисовал, и как ему приходилось исподтишка, спрятавшись за соседа, делать наброски. Старик-чукча, узнав себя на рисунке, дружелюбно похлопывал Решетникова по плечу и на ломаном языке объяснялся с Федей, расхваливая его.

Дальнейший поход мы организовали так. Разбились на три группы. Одна группа, усевшись на нарты, уезжала вперед. Потеряв нас из виду, она останавливалась, слезала и уходила вперед. На нарты усаживалась тогда вторая группа, которая таким же образом уступала нарты третьей группе. И так мы все ехали по очереди, две трети пути проделав все же пешком.

Через восемнадцать часов показался берег. Мы уже больше на нарты не подсаживались и шли пешком, соединившись все вместе. В первом селении встретили пешую партию Буйко, которая вышла на день раньше нас из Ванкарема. Они ожидали прибытия нарт. Так как в этом селении всего три яранги, очень тесно, то мы решили не останавливаться здесь и, несмотря на усталость, двинулись дальше.

Только поздно ночью добрались до следующего селения. Последние километры мы еле тащились, проваливаясь выше колен в снег. Нарты давно ушли вперед, и мы могли рассчитывать только на собственные силы. Наконец долгожданные яранги. Там мы нашли раздетых чукчей — наших каюров, с удовольствием поглощающих сырую моржати́ну — их обычное и любимое блюдо.

Нам пришлось довольствоваться одними лепешками, сделанными по рецепту Решетникова: немного муки, немного снега, все смешать, смять и выставить на мороз. Получается твердый комок теста. Некоторые попытались есть вместе с чукчами моржати́ну. Оказалось — вкусное блюдо. Вкусное потому, что были голодны.

Пройдя за этот день семьдесят восемь километров, мы уже спокойнее думали о тех сотнях километров, которые еще предстояло пройти, тем более что дальше, за мысом Сердце-Камень, чукотские селения попадаются чаще. Там есть кооперативы, там можно купить что-нибудь съестное.

Так изо дня в день, делая по шестьдесят-семьдесят километров, шли мы вперед. Погода не благоприятствовала. Все время пурга, пурга и пурга. Нам нехватало, к тому же, очков. Яркий белесый свет жег глаза, некоторые слепли, приходилось закрывать им глаза повязкой и вести за собой.

Только один день за все время нашего перехода удалась хорошая погода. В этот день мы видели пролетающие над нами самолеты. Это перевозили наших ребят.

На мысе Сердце-Камень в селении Инурми мы хорошо отдохнули у норвежца Волла, который уже много лет живет на Чукотке, женился на чукчанке и в свою большую, просторную ярангу внес элементы культуры. Там мы умылись мылом, поели настоящего супа из оленины, вдоволь напились сладкого чая со сгущенным молоком и улеглись спать на чистых оленьих шкурах.

В селении Инурми мы догнали пешую партию Филиппова, которая вышла из Ванкарема раньше нас на два дня.

В Уэллен мы добрались на восьмые сутки после выхода из Ванкарема. Вконец измученные и уставшие, мы вошли в селение, которое нам показалось большим и уютным. Здесь около тридцати яранг, несколько европейских домиков, в том числе райисполком, фактория, школа, радиостанция, полярная станция.

Нас встретил Бобров, который прилетел сюда на самолете. Он крепко пожимал нам руки, удивляясь быстроте нашего перехода, и поздравлял с награждением.

— С каким награждением?—спросили мы его.

— Да разве вы не знаете? Есть предложение Политбюро о награждении всего состава экспедиции орденами. Есть телеграмма за подписями товарищей Сталина, Молотова, Ворошилова, Куйбышева и Жданова: «Приветствуем и горячо поздравляем доблестных челюскинцев, мужественно и организованно боровшихся с суровой полярной стихией и стойко перенесших двухмесеичный ледяной плен»...

Приветственную телеграмму получили также и летчики. Из нее они узнали, что члены Политбюро вошли с предложением в ЦИК о присвоении им звания Героев Советского союза.

Нет слов для описания того, как были мы обрадованы и взволнованы вниманием Центрального комитета нашей партии. Комсомольская пешая, пройдя в короткий срок путь Ванкарем — Уэллен, почувствовала в себе новые силы.

XVII. В ЛЕНИНСКУЮ ПАРТИЮ

В бухте Лаврентия и Провидения все челюскинцы и участники спасательных операций сели на пароход «Смоленск».

Он шел в Петропавловск-на-Камчатке и оттуда во Владивосток.

В Петропавловске трудящиеся встретили челюскинцев с такой любовью, с таким энтузиазмом, что это и ошеломяло и смущало нас. На почте любовно была приготовлена для каждого челюскинца пачка газет за несколько месяцев. Мы жадно хватались за газеты, из которых узнавали, чем живет наша страна и как весь мир следил за спасением челюскинцев.

Путь от Петропавловска до Владивостока прошел незаметно. На корабле у нас состоялось комсомольское собрание. Произвели перевыборы бюро ячейки, секретарем выбрали Алешу Апокина.

На судне организовали углубленное изучение решений семнадцатого съезда партии.

Владивосток. Трудно забыть момент, когда «Смоленск» входил в бухту Золотой Рог. Приветственный рев пароходов, заводских гудков, шум самолетов и торпедных катеров оглушали нас. У пристани собрались десятки тысяч рабочих, крестьян и красноармейцев. Все улицы были украшены флагами, плакатами и портретами. Вокруг бухты, на всех сопках, цветистыми пятнами, амфитеатром расположились люди, которые не могли поместиться на небольшой площади у пристани.

Из Владивостока в Москву мы ехали в специальном поезде, который встречали тысячи людей на каждой станции. За право вести наш поезд боролись лучшие ударники-машинисты.

На пути к Москве, в поезде, состоялось последнее заседание бюро партийной ячейки, на котором разбирался вопрос о приеме в партию. Подали заявления: группа

летчиков — Героев Советского союза, Ибраим Факидов — научный работник, ассистент академика Иоффе, Эрнест Кренкель — радист, участник многих полярных экспедиций, геолог Рыцк, геодезист Васильев, боцман Загорский, машинист Бармин и комсомольцы Фетин, Решетников, Миронов и я. Вопрос о передаче в партию комсомольцев предварительно рассматривался на бюро комсомольской ячейки.

Бюро ячейки ВКП(б) челюскинцев заседало в изумительной и необычной обстановке... Поезд неся вперед... За окнами мелькали просторы нашей необъятной Сибири, тайга, поля, деревни, станции... Во время остановок поезда заседание бюро прерывалось звуками «Интернационала», криками «ура» и речами встречавших нас. Поезд трогался, и бюро продолжалось.

Поодиночке вызывали в купе каждого подавшего заявление в партию, слушали биографию, задавали вопросы и выносили решение.

Первыми разбирались заявления героев-летчиков Ляпидевского, Леваиевского и Водопьянова.

Затем вызвали меня, и Володя Задоров огласил мое заявление:

В БЮРО КОЛЛЕКТИВА ВКП(б) ЧЕЛЮСКИНЦЕВ

От Александра Погосова — механика
острова Врангеля.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Воспитанный ленинским комсомолом (теперь мне 25 лет) я не вижу и не мыслю себе другого пути, как вступление в коммунистическую партию.

Проверив себя в походе «Челюскина» и на льду, я чувствую себя подготовленным для вступления в партию и прошу принять меня в ряды партии большевиков.

А. Погосов

13 июня 1934 года.

Долго рассказывать биографию не пришлось, так как все уже все знали. Во время пребывания на «Челюскине» и на льду у нас было много времени, чтобы основательно познакомиться друг с другом и поделиться воспоминаниями о своей жизни.

Сын служащего. Сам рабочий. До 1928 года жил, работал и учился на юге, главным образом в Тифлисе. Семья была тесно связана с группой большевиков-подпольщиков Закавказья. Партийные деньги, документы, революционная литература хранились у моего отца или дяди. В магазине, где работал отец, был подвал, где хранились шрифты для типографии.

Сестра отца подпольно работала в комсомольской организации «Спартак».

Тесное соприкосновение с подпольщиками-большевиками оказало большое влияние на нашу семью и, в частности, на меня. Когда я подрос, стал работать в комсомольской организации. Окончив школу, перебрался в Армению, в горы Ахтенского района, оттуда в Тифлис, потом в Ленинград, на север.

В моей семье на эту поездку смотрели с ужасом. Молодой парень едет в другой конец Союза, в тот самый Ленинград, о котором на Кавказе говорят, что южане там «не выживают». Даже на «Челюскине» в первое время удивлялись, как это я, южанин, легко переносу Арктику. В Арктике я чувствовал себя действительно прекрасно.

В Ленинграде сначала было тяжело. Ночевал где попало: либо у случайных знакомых, либо на набережной. Иногда перепадала работа—грузил. Но я искал постоянного места.

Подвернулась работа копировщика-чертежника. Поработал год, стал старшим чертежником. Но меня интересовала профессия механика. Я подал заявление и был принят в Институт гражданского флота. В это время меня призвали в армию, и я был послан в танковую часть.

ДРУЖЕСКИЙ ШАРЖ

Саша Погосов.

Послужив два года в армии, год красноармейцем и другой по партийно-комсомольской мобилизации командиром танкового подразделения на Дальнем Востоке, я демобилизовался и поступил на завод мастером по испытанию танков.

За свою недолгую жизнь я переменял много специальностей. Работал и пожарником и сторожем, был землекопом и однажды три дня был даже учителем русского языка в одном греческом селе.

Теперь я нашел то, о чем так долго мечтал, нашел постоянное поле деятельности—Арктику.

Меня особенно радует мое участие в великой челюскинской эпопее, именно то, что я испытал все трудности работы на севере, зимовку, жизнь на льду. Я проверил себя в достаточной мере и вижу, что мое призвание — Арктика. И это несмотря на то, что я — южанин.

И вот я сижу на этом необыкновенном заседании бюро партийной ячейки в мчащемся экспрессе. На меня испытующе смотрит цвет нашего челюскинского отряда—передовые партийцы.

Алексей Николаевич Бобров выражает удивление, что я еще не в партии. Я настолько близко соприкасался с партийной работой на судне и в лагере, что у многих сложилось впечатление, что я—партиец. Алексей Николаевич говорит:

— Что же с ним делать, придется ведь принять...

Мне задают вопросы:

— Как у тебя с рекомендациями?

— А хорошо изучил решения семнадцатого съезда?

— Новый устав партии проработал?

— А ну-ка,—говорит Бобров,—если проработал, дай нам справку: по какой категории мы должны принять тебя в партию по новому уставу?

Я ответил:

— Думаю, по второй.

— Совершенно верно, подходит ко второй категории.

Все поддержали. Володя Задоров сказал:

— Есть предложение рекомендовать Погосова в кандидаты ВКП(б). Кто за—поднимите руки.

Рекомендовали единогласно. Затем перешли к обсуждению заявления Феди Решетиикова:

В БЮРО ЯЧЕЙКИ ВКП(б) ЧЕЛЮСКИНСКОГО КОЛЛЕКТИВА

От челюскинца Ф. П. Решетникова

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу принять меня в ряды коммунистической партии. Опыт большевистской борьбы коллектива сибиряковцев, а особенно челюскинцев я хочу применить на всех участках работы, куда найдет нужным послать меня партия.

Федор Решетников

17 июня 1934 года.

Заявление Феди, так же как и Миронова и Фетина, рассмотрели быстро. Их все знали как хороших ребят. Все много раз проверены, все сильно выросли на глазах у коллектива.

По дороге в Москву я вспомнил, какими были наши ребята, когда мы выезжали из Ленинграда.

Какие огромные изменения произошли в людях, многих не узнать!

Вот Боря Кукушкин, молодой, малограмотный, но хороший парень, участник похода «Сибирякова». Ему трудно давалась учеба, он мало думал о ней. А теперь он с гордостью заявляет:

— А ведь надо учиться, нельзя больше неучем быть! Вот уже теперь у меня два ордена, а я еще малограмотный. Трудно, но придется учиться.

Юрий Морозов, наш молодой комсомолец, горячо и искренно выступал на митингах, и я удивлялся—откуда у него слова!

Заговорил и Костя Кожин—всегда молчаливый и неразговорчивый, и заговорил так, что мы ему удивлялись.

У Саши Миронова до лагеря проявлялись невыдержанность и вспыльчивость. Жизнь на льду научила его. На заседании бюро партячейки он говорил, что будет твердым, крепким и выдержанным, как полагается настоящему партийцу.

Он спрашивает нас:

— Товарищи, вы меня хорошо знаете. Я хочу быть членом партии и хочу в рядах партии бороться за наше общее дело. Скажите, могу ли я подать заявление в партию, или еще рано и нужно еще себя проверить?

Мы ему сказали:

— Ты уже достаточно проверен, ты можешь смело подавать заявление о вступлении в ряды большевиков.

Мы мчались в Москву, строя планы дальнейшей жизни.

У всех планы совпадали: партия, учеба, работа...

XVIII. ЗДРАВСТВУЙ, МОСКВА!

Изумительна, волнующа была встреча в Москве — сердце нашего Союза, сердце нашей родины.

Мы ехали в автомобилях, увитых цветами. На улицах Москвы видели радость народа, торжествующего победу над стихией Арктики.

На Красной площади мы поднялись на трибуну мавзолея Ленина. К нам шел в окружении своих соратников Сталин, наш любимый Иосиф Виссарионович.

Мы кричали: «Да здравствует наш любимый Сталин!» Мы старались перекричать звуки тысячетрубного оркестра. А Сталин тепло, по-дружески здоровался с нами, крепко пожимая наши руки.

Сталин, Каганович, Ворошилов, Калинин, Орджоникидзе, Куйбышев стоят рядом с нами... Перед нами проходят железные ряды Красной армии, физкультурники, значкисты, ворошиловские стрелки, осоавиахимовцы.

Вот на площадь выползают танки... Мощной, гудящей железной лавиной покатались они. Жадно вглядываюсь в стройные колонны знакомых стальных машин, и вспоминается, как я сам, держась за рычаг, вел машину по сопкам... Я судорожно нажимаю правой ногой, как бы давая полный газ; мне казалось, что я сам сейчас сижу в одном

из танков и веду его перед мавзолеем Ленина, перед Сталиным, перед членами Политбюро и правительства.

Вот над площадью появились самолеты; волна за волной пролетали они над нами. Разведчики, истребители, бомбовозы. Потом гигант «Максим Горький»... Я вспомнил «шаврушку» Бабушкина с заплатами, американскую кокетку «Флитстер» и наши «Р-5». Я вспомнил ледяной аэродром, дядю Васю Молокова, Колю Каманина. Они стояли тут же, и их счастливые лица смотрели в небо...

Только поздно ночью закончилась демонстрация трудящихся Москвы.

Мы вернулись к родным, к знакомым и вместе радовались возвращению, спасению и окончанию разлуки.

Потом встреча в Кремле, товарищеский обед, на котором присутствовали члены правительства и Политбюро. В Георгиевском зале Большого кремлевского дворца, стены которого увешаны мемориальными досками с отметкой «гвардейских полков его величества», собрались челюскинцы. С нами за столом сидели Иосиф Виссарионович Сталин, Ворошилов, Куйбышев, Каганович, Калинин, Жданов, Орджоникидзе, Литвинов, Микоян, Енукидзе.

Первым говорил Валериан Владимирович Куйбышев — председатель правительственной комиссии по спасению челюскинцев, председательствовавший на этой товарищеской встрече. Он говорил о партии, о доблести нашего народа, о великой родине, о славных летчиках, о великолепной технике нашей страны, об отваге наших людей, об организованности нашего коллектива.

Челюскинцы спасены... Это дело рук Сталина. Он вдохновлял, он организовал, он руководил операциями по спасению, как блестящий полководец, он выиграл бой с полярной стихией под Ванкаремом.

Иосиф Виссарионович говорил в этот день несколько раз. Он несколько раз поднимался, держа трубку в руках. Говорил медленно, уверенно и твердо. Мы сидели взволнованные и жадно следили за ним. Хотелось запомнить,

запомнить навсегда его образ, его движения, его жесты, его радостную улыбку, его глаза и каждое его слово.

Он говорил, что нашей стране нужны смелые люди!

Мы бешено аплодировали Сталину.

Я очень часто вспоминаю об этой встрече, и перед моими глазами каждый раз встает Сталин, такой великий и близкий, такой простой и родной всем нам.

Потом, когда я вместе с товарищами ездил по городам и селам Советского союза, по металлургическим заводам и шахтам, по красноармейским частям и пионерским лагерям, когда я в деревнях родной Армении рассказывал о челюскинской эпопее, передо мной каждый раз вставал образ Сталина. Я видел его в великолепных новых домах Дзержинки, в замечательных станках Краматорского машиностроительного завода, на колхозных полях Украины и Северного Кавказа, в аулах Чечни и Ингушетии.

В городах и деревнях — везде я встречал героев-ударников социалистического строительства.

Я познакомился со старыми кадровиками Донбасса и наблюдал за блестящей работой сталевара-комсомольца на Краматорке.

Я видел героев-орденоносцев социалистической стройки, изотовцев, которые каждый на своем участке показывают образцы героизма и отваги.

Я встретил выдающегося забойщика Донбасса — Никиту Алексеевича Изотова, который рассказал мне о своем замечательном ученике — комсомольце Саше Степаненко, награжденном высшей наградой правительства — орденом Леиина.

Я говорил с комсомольцем Колосовым — бригадиром-шахтером, который во главе комсомольской бригады делает замечательные вещи на шахте имени челюскинцев.

Я видел людей, которые ломают старые порядки на производстве и в деревне, которые строят новую жизнь.

Я говорил с десятками комсомольцев — горновыми, токарями, машинистами врубовых машин, ткачами, конюха-

ми, сталеварами, портными и слесарями в Днепропетровске, Одессе, Сталино, Эривани, Мариуполе, Тифлисе, Грозном, Москве, Ленинкане, Ленинграде, Свердловске, Новосибирске, на Днепрострое, в Орджоникидзе, Владивостоке и Запорожье. Они рассказывали мне о своих успехах на производстве и спрашивали, как можно поехать в Арктику...

И я думал: вот она — моя родина! Вот они — мои друзья, мои сверстники! Вот они — герои нашей страны! Вот они — смелые люди, о которых говорил Сталин!

СОДЕРЖАНИЕ

О комсомольцах-челюскинцах (Предисловие О. Ю. Шмидта)	9
От автора	11
I. Великий северный морской путь	13
II. «Челюскин»	16
III. Нас было семнадцать	18
IV. Корабельные будни	26
V. Авралы, авралы...	33
VI. Зимовка	40
VII. Шутки Феди Решетникова	43
VIII. Нас стало восемнадцать	50
IX. 13 февраля	52
X. Ледяной лагерь	58
XI. «Не сдадимся!»	70
XII. Страна посылает спасение.	84
XIII. Быт советского поселка	97
XIV. Самолеты над льдиной	109
XV. Последние шесть	125
XVI Комсомольская пешая	132
XVII. В ленинскую партию.	137
XVIII. Здравствуй, Москва!	143

Редактор С. Остряков.
Технический редактор
М. Лойтерштейн. Коррек-
тор С. Локшина. Переплет
худ. Б. Шварца. Сдано в
произв. 2/I 35 г. Под-
писано в печ. 7/II 35 г.
Форм. бум. 82×110 $\frac{1}{32}$.
10½ печ. л. 6, 88 авт. л.
Тираж 100 тыс. (1—45-й
тыс.). М. Г. 4509. Инд.
Д-0 Уполномочен. Глав-
лита Б—1809. Заказ 21.
Типография газ. «Правда»
им. Сталина. Москва. ул.
«Правды», 8.